

Асхат Салахов
Последний вальс

Повесть

2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Тат)-44
С16

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Перевод с татарского

А.Бикяшевой
Салахов, А.С.

Последний вальс : повесть / Асхат Салахов ; пер. с татар. А.Бикяшевой. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2011. – 94 с.
ISBN 978-5-298-02052-7

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Тат)-44

ISBN 978-5-298-02052-7

© Татарское книжное издательство, 2011

© Салахов А.С., 2011

Светлой памяти моего младшего брата Агдаса Сахаповича Салахова, погибшего в результате последствий катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции

Незнакомый курорт понравился Газизу несмотря на то, что ехал он сюда с неохотой. Восьмиэтажное здание было расположено на просторной возвышенности, на берегу полноводной реки Камы, широко раскинувшейся на древней болгарской земле. Увидев ещё из окон автобуса здание из белого кирпича, с окрашенными в ярко-красный цвет балконами, он легко вздохнул и успокоился. Последние сомнения развеялись, когда, взяв путёвку, девушки в белоснежной одежде разместили его в комнате. Пусть редко, но всё же ему доводилось лечиться на курортах. Везде принимали по-разному, лечили тоже. Некоторые курорты были так себе, и Газиз возвращался домой обессиленный из-за равнодушия обслуживающего персонала и исхудавший от голода. А тут... Газиз просто растаял оттого, что девушки встретили его как родного. Приветливые лица, добрые слова. Поистине, своя рубашка ближе к телу: родная земля, родные люди, родной язык...

– Проходите, абый, почувствуйте себя как дома. Утомились, наверное, с дороги, уж очень медленно идёте...

В последнее время он стал ступать не так уверенно, тяжелее – это правда. Всё дело в том, что здоровье оставляет желать лучшего. Бурная молодость позади. Говорят, пятьдесят лет – для мужчины середина пути, но это не про Газиза Султанова. Грудь обесилела. Болит всё, что только может болеть. С каждым днём он всё больше чахнет и дряхлеет, словно растение без солнца. Поняв это, молодая врач была к нему особенно внимательна, долго расспрашивала о самочувствии. Затем назначила и записала в курортной карте необходимые процедуры.

– Забудьте о ваших проблемах, выбросьте из головы грустные мысли, отдыхайте со спокойной душой. Если во время прохождения процедур что-нибудь случится, обращайтесь прямо ко мне. Надеюсь, уедете от нас полным сил, здоровым, – сказала она доброжелательно.

Как оказалось, в этом санатории, знаменитом своими минеральными водами и высококлассными методами лечения, созданы все условия для лечения и отдыха. Номера небольшие, но светлые и удобные, в каждом – телевизор, ванная комната, горячая вода. На первом и втором этажах здания процедурные комнаты, ванны с минеральной водой, бассейн, сауна, столовая, кинозал... Для таких больных, как Газиз, это крайне важно – лечись себе, всё рядом.

Сосед по комнате тоже оказался своим человеком – Габдельфат из Арского района – скромный, спокойный сельчанин одного с Газизом возраста. Он лечится здесь уже неделю и хорошо знаком с

жизнью и порядками санатория. Габдельфат показал Газизу процедурные комнаты. Затем они вместе спустились на завтрак и на лечение.

Вот так и начались в жизни Газиза дни, не похожие на прежние. До двух-трёх часов дня он принимает процедуры, затем идёт обедать и отдыхает в комнате, а вечером, устав от лечебной суеты, смотрит телевизор.

А в это время Габдельфат, нарядившись, отправляется на спектакль или концерт, благо в актовом зале санатория каждый день выступают артисты из соседних городов: один другого интереснее спектакли, концерты с песнями и танцами. А после все отдыхающие, и стар и млад, вволю танцуют под грохот музыки в широком и длинном коридоре, ведущем в столовую. Габдельфат и танцы не пропускает. Только вот Газиза он никуда не зовёт, не уговаривает – видит, что тот всем вполне доволен.

Вот так день за днём пролетела первая неделя. Режим, лечение, хорошее питание, отдых без ежедневной суеты, как видно, не прошли даром – Газиз почувствовал, что стал поправляться, силы его возвращались. И настроение улучшилось. Габдельфат не мог этого не заметить:

– Тьфу-тьфу, как бы не сглазить, ты выглядишь хорошо, курорт пошёл тебе на пользу, – сказал он ему. А вечером стал звать на танцы:

– Идём, хватит киснуть, движение – это жизнь. Увидишь, как люди танцуют, себя покажешь...

Последовав примеру Габдельфата, Газиз надел всё самое лучшее.

Коридор перед столовой заполнен людьми, иностранная музыка грохочет так громко, что даже с закрытыми ушами не вытерпеть. Разыгрывается совершенно невероятное действо – кто-то извивается, размахивая руками, кто-то изгибается влево, кто-то вправо, кто-то скачет, словно насытившийся козлёнок, а кто-то топчется на месте. Среди них и Габдельфат стоял покачиваясь.

Усевшись на мягкой скамейке в уголке, Газиз с изумлением наблюдал за этим представлением под названием «танцы», затем недоумённо улыбнулся и решил подняться наверх, в свою комнату.

В это время в зале зазвучала другая, давно знакомая музыка. Да ведь это, кажется, вальс! Здесь, оказывается, и про вальс не забыли. Вечно страстный, вечно жизнерадостный, вечно молодой вальс – спутник юности Газиза. Эта музыка в исполнении большого оркестра, состоящего из сотни музыкальных инструментов, напоминала беспокойные морские волны, набегающие одна за другой на берег. Она всё усиливалась и постепенно заполнила длинный и широкий коридор столовой, затем вестибюль, лестничную площадку, второй, третий, четвёртый этажи санатория.

Вдруг по телу Газиза – от самых кончиков пальцев до корней волос – пробежали мурашки, будто бы ударил электрический заряд. Но это было приятно... Вальс. Давно уже он не слышал такую знакомую, за душу берущую музыку... Погоди-ка, а что это за вальс? Несомненно, вальс Штрауса, Иоганна Штрауса: «Сказки венского леса», «Весенние голоса». Что же именно? Но точно не «На голубом Дунае», эту мелодию Газиз хорошо помнит.

В молодости он всё это знал, потому как немало танцевал под музыку вальса. В этом плане парню-мишарину из колхоза повезло. Как говорится, не в одном, так в другом. Во время службы в армии их водили смотреть кино в единственный в гарнизоне офицерский клуб. Там же он познакомился с завклубом Рашитом, парнем из Новосибирска. Два сына татарского народа сдружились. Как оказалось, Рашит вёл в клубе и танцевальный кружок. Два раза в неделю по вечерам там обучались танцам лётчики авиаполка, другие офицеры, их молодые красивые жены, подрастающие симпатичные дочки.

– Пока я здесь, учишься танцевать, не пожалейшь, – сказал Рашит.

Только тогда Газиз узнал, каким талантом обладал парень. Уж танцор так танцор, настоящий танцмейстер! До этого Рашит был ведущим танцором в ансамбле военного округа. Тот, кто посещал его занятия, мог научиться хорошо танцевать. До сих пор в памяти этот кружок. Спасибо Рашиту, если бы не он, не довелось бы младшему сержанту Султанову в стоптаных кирзовых сапогах заниматься в кружке.

Но Газиз тоже не промах: он быстро научился танцевать. Особенно ему нравились бальные танцы. И не только вальс, он научился танцевать танго, фокстрот, кадрили, краковяк, польку, падеспань, падеграс... Единственное, что заставляло парня смущаться, это были стоптанные сапоги. Но прекрасные создания, желающие потанцевать с ним в паре, кажется, не обращали на это особого внимания. Мишарский паренёк, с каждым занятием танцующий всё лучше и лучше, пользовался успехом у красавиц из благородных семей, которые вместе с ним учились танцам. Каждая танец с ним почитала за честь, каждая планировала и даже договаривалась с ним заранее, потому что Газиз танцевал лучше, чем самые способные кавалеры.

Сейчас он даже не помнил, когда танцевал в последний раз, наверное, прошло лет пятнадцать, где уж тут помнить названия вальсов из далёкой молодости.

Пока он пребывал в думах о прошлом, нашлись желающие покружиться в вальсе. Музыка воодушевила и Газиза: «Может, попробовать кого-нибудь пригласить?» Среди женщин, сидящих рядом, он стал искать глазами себе пару. В такие моменты приглашаешь на танец первую подвернувшуюся. Но его взгляд упал на круглолицую женщину лет 30 с небольшим, сидящую чуть поодаль от него. Её длинное ярко-красное платье туго обтягивало грудь. Газиз поднялся, встал прямо перед ней и как истинный кавалер склонил голову: «Я приглашаю вас на вальс...» Ему казалось, что женщина в ту же секунду поднимется, и они вместе станут кружиться в вальсе. Но Газиз ошибся: женщина изумлённо посмотрела на него и отрицательно покачала головой...

Мужчина поник, словно растение в заморозки. Газизу стало как-то неудобно возвращаться на своё место и, не зная куда себя деть, он встал у стены напротив. Да, первый блин вышел комом! В чём же дело, почему ему отказали? Вроде бы причин нет. Ведь Газиз в белоснежной рубашке, аккуратно отглаженных чёрных брюках, туфли начищены, сам стройный и ещё очень даже ничего. А, может, из-за своего нездорового вида он кажется пожилым? Нет, сегодня на вальс он больше никого не пригласит. Вот пусть только музыка закончится, и он пойдёт к себе.

Вдруг из толпы людей, стоящих прислонившись к стене, отделилась молодая женщина и стала продвигаться по направлению к нему. Газиз подумал, что она пройдёт мимо, но ошибся. Остановившись около него, женщина спросила:

– Абый, вы танцуете вальс?

Раньше женщины приглашали мужчин только на белый танец. Сейчас, оказывается, всё по-другому.

– В молодости я любил вальс, – ответил Газиз, и они двинулись в толпу танцующих. – Я только что пригласил одну даму, но она не пошла. Может, настроения нет?..

– А я это видела. Потому вас и пригласила. Я знала, что вам хочется станцевать вальс.

– Спасибо...

Поначалу они кружились медленно, потому что Газизу нужно было вспомнить подзабытую технику исполнения танца. Потом они стали ускорять темп. Вальс – он такой, с каждым шагом ты кружишься всё быстрее, с каждым движением танец всё больше воодушевляет, окрыляет, придаёт сил, настроение улучшается. Могущественная музыка вальса вдохновила даже измученного болезнью Газиза: он вёл свою партнёршу то влево, то вправо, но пока музыка не закончилась, не отпустил её.

– А вы, оказывается, хорошо танцуете. С вами так легко, – сказала ему девушка. – Если вы не против, я бы с вами ещё потанцевала. Я имею в виду в другой раз. Вальс для меня всё, я готова танцевать весь вечер...

Но в этот вечер в танцевальном зале вальс больше не звучал.

В комнате Габдельфат сказал Газизу:

– Видел, как ты кружился в вальсе с красавицей. У вас хорошо получилось, уважаемый, все восхищались вами.

* * *

Жизнь на курорте шла своим чередом. На двух этажах народ суетился, с одной процедуры бежал на другую, оттуда – на третью. В очередях в процедурные кабинеты Газиз то тут, то там искал глазами женщину, отклонившую вчера его приглашение. Она была красивая, но слишком гордая – Газизу так показалось. После вчерашнего отказа в глубине души мужчины осталось чувство обиды. Гордая, значит, не пустышка какая-то, а с чувством собственного достоинства. Но всё же надо бы обменяться парой слов с глазу на глаз, пусть не в танце. Кто же эта «жар-птица», с каких краёв, с берегов какой реки? Но никто, похожий на неё, Газизу на глаза так и не попался.

Вечером снова были танцы. Репертуар всё тот же: каждый возбуждённо по-своему двигался под грохочущую музыку. Газиз же терпеливо ждал вальса. Уж сегодня-то у него будет пара, ведь они уже договорились с танцевавшей с ним вчера молодой женщиной. Но где же она? В зале её нет.

Наконец раздались звуки вальса... Ах, как берёт за душу эта музыка, как заставляет сердце трепетать!

Среди присутствующих Газиз стал беспокойно искать глазами свою вчерашнюю знакомую. Вот уже и танцующие пары, двигаясь мягко и изящно, словно скользили по волнам. Неужели он так и уйдёт к себе, не станцевав вальс?

Газиз обводил глазами то одну, то другую сторону. Наконец он нашёл её. Молодая женщина, которая вчера была в чёрном костюме, стояла сегодня у двери в ярко-голубом длинном платье, оно было немного щеголевато, но очень шло ей. Увидев, что Газиз ищет её, женщина стала подавать ему знаки: «Я здесь....»

Газиз тоже подал ей знак, и они быстро зашагали навстречу друг другу. В этот момент случилось совершенно немыслимое – к Газизу направилась ещё одна женщина:

– С вами можно?

Глаза Газиза округлились от удивления: да ведь это та женщина, которая вчера отказала ему. То же открытое лицо, те же пышные чёрные волосы, то же ярко-красное платье. Сегодня она более приветлива. Газиз поначалу растерялся, но потом взял себя в руки:

– Извините, вон ведь идёт уже, – сказал он и с некоторым напускным высокомерием прошёл мимо.

Молодая женщина в лёгком голубом платье уже дошла до середины зала. Они в одном порыве подошли друг к другу и уже через секунду воодушевлённо закружились под сильную трёхтактную музыку вальса. Для присутствующих в зале это было настолько неожиданно, так изумительно красиво и грациозно, это было настоящее искусство, и поэтому многие смотрели на пару с искренним восхищением, а некоторые даже завидовали. Зрителей поразило то, как держал себя стройный партнёр, волосы которого развевались, словно львиная грива, удивили его молодецки лёгкая осанка, темпераментное исполнение танца. После того как вчера Газиз танцевал впервые после долгого перерыва, сегодня он действительно ни разу не ошибся – он, как в юности, пылко кружил в вальсе молодую спутницу. Девушка чувствовала каждое его движение и двигалась в унисон своему спутнику, как будто они были одним целым. Окрылённые, они кружились то в одну, то в другую сторону...

Газиз хоть и поддался влиянию вальса, всё же в его голове бродили беспокойные мысли. Ведь отказавшая ему женщина, которую он вчера пригласил на вальс, сегодня сама подошла к нему: «С вами можно?» В чём же дело? Этих прелестных созданий совершенно невозможно понять: то заставляют бегать за собой, то сами ищут встречи. Но всё же обида Газиза поутихла.

После вальса заиграла татарская плясовая мелодия – она тоже была в ежедневном репертуаре. Все: и молодёжь, и те, кто постарше, и совсем пожилые – бросились в пляс. Люди брали друг друга под руки и по-деревенски весело кружились.

Газиз, уставший после вальса, стоял, прислонившись к стене. И тут перед глазами потемнело, сердце забило, закружилась голова, и стало трудно дышать. В это время из разгорячённой толпы танцующих отделилась женщина в красном и направилась к Газизу. От удивления он смог только грустно улыбнуться...

* * *

Слабость и головокружение не прошли у Газиза и на второй день. «Меры не знаешь, ещё на танцы пошёл», – целый день терзал он себя. Поняв его состояние, после обеда Габдельфат отправил Газиза подышать свежим воздухом:

– Проветришься, тебе, друг мой, кислорода не хватает, совсем из здания не выходишь, – сказал он с искренним сочувствием. – Иди, иди, погуляй...

А на улице действительно было хорошо. Стояли редкие для сентября тёплые, тихие деньки. С широкой реки, по которой ходили теплоходы, самоходные баржи, другие суда, дул ветерок. Газиз полной грудью вдыхал свежий воздух.

Большинство отдыхающих тоже наслаждались прогулкой. От восьмиэтажного белого здания расходились в разные стороны несколько тропинок из бетонных плит. Каждая тропинка – отдельный маршрут. Одна ведёт в берёзовый лес, другая – в сосновый бор, третья – на берег реки. По всем тропинкам идут люди: парами, группами. Многие поодиночке. Газиз тоже не спеша направился к сосновому бору. Когда он отдыхал в искусно сделанной на лесной поляне весёлой крытой беседке, перед ним снова появилась женщина в красном платье. Сначала она, поздоровавшись, собиралась пройти мимо. Но, сделав несколько шагов, резко обернулась и уверенно вошла в беседку.

– Отдохну-ка и я с вами. Вы не против? – сказала она, улыбнувшись.

– Проходите, садитесь, места всем хватит, – ответил Газиз, а сам подумал: «Смотри, какая бойкая...»

– Вам что, нехорошо? Вы плохо выглядите...

– Да нет... Я отдыхаю, – ответил Газиз.

– Вы болеете, да?

Газиз поджал губы, мол: «Не знаю, может, и болею...»

– Болеете. От меня не скроете, я же врач. Скажите правду, что с вами?

– Если бы можно было объяснить это в двух словах, – вдруг произнёс Газиз.

Они долго молча смотрели друг на друга. Газиз думал: «Эта женщина в последние несколько дней совсем лишила его покоя, вот теперь она сама пришла и села рядом. Оказывается, у неё карие глаза,

круглое, улыбочное лицо, она умная, добрая и очень милая». Нельзя сказать, что в жизни Газиза не было любимых и просто симпатичных девушек, женщин, – были. Но он всегда держался на расстоянии от легкомысленных, ветреных, готовых при первой встрече вешаться на шею. Его не привлекала внешность, раз-другой обжёгшись, Газиз научился относиться к красивым женщинам с недоверием. Он был полностью согласен со словами какого-то известного человека: «Есть красивые девушки, которые напоминают красивый дом, окна в котором никогда не светятся...» Красота человека не во внешности, а в его внутреннем мире. Возможно, поэтому Газиза больше привлекало женское обаяние, потому что оно для него имело особую прелесть, глубокий смысл. Только обаятельные женщины могут быть нежными, романтичными, мудрыми и терпеливыми. Газиза интересовали только такие представительницы прекрасного пола. Но такие встречаются редко.

– Ну что, насмотрелись? Может, позвольте вставить несколько слов? – спросила кареглазая.

Оказалось, у неё есть чувство юмора.

– Позволяю, – ответил Газиз таким же шутливым тоном. А женщина вдруг стала серьёзной:

– Простите, абый, я не знаю вашего имени, хотим мы того или нет, но нам с вами, видно, суждено было встретиться, – начала она. – Конечно, встреча как в художественных произведениях – под соловьиные трели у журчащего родника, под шелест листьев старой ивы – не получилась. Как говорится, собаки, не поссорившись, не знакомятся. Так? Ссориться мы не ссорились, но всё же... Я, кажется, вас очень обидела. Чтобы исправить свою ошибку, я пригласила вас на танец – но вы ушли с другой. Хотела потанцевать с вами в другой раз – вы даже не обратили на меня внимания. Я ведь в тот вечер подумала, что вы старый бабник и приглашаете на танец с целью познакомиться. Я быстро поняла, что ошиблась, что вы искренне хотели танцевать. Теперь остаётся лишь сожалеть об этом. Если бы я знала, как вы мастерски танцуете вальс... А вы вон какой, всех отдыхающих поразили. Вы удивительный танцор, наверное, так хорошо даже рыба в воде себя не чувствует. Правда же...

– Вы очень красиво воркуете, милая... Как вас?..

– Меня зовут Айсылу, Ай-сы-лу...

Она, обворожительно улыбаясь, пристально посмотрела на него. Газиз её понял:

– Газиз, Газиз Султанов...

– Кто же вы? Вы очень таинственный, наверное, не простой человек. И что у вас за болезнь? Может, это по моей части, и я смогу вам помочь? Правда же...

– Вам ведь знакомо слово «Чернобыль»? – спросил Газиз и бросил на Айсылу испытующий взгляд.

– Не может быть! – аж вскрикнула Айсылу. – Так и есть... Я как чувствовала, что в вас что-то такое. Астагьфирулла*!..

Айсылу словно остолбенела, долго не могла прийти в себя. И только потом продолжила:

– Как же вы попали в те края, каким ветром вас занесло в это богом проклятое место?

– Я и сам часто об этом думаю. Архитектор я, работаю в проектно-монтажном отделе. Однажды в срочном порядке меня вызвали в военный комиссариат. «Вы, наверное, уже слышали об аварии на атомной электростанции, чтобы остановить её, нужны специалисты для создания архитектурного сооружения», – сказали они. Если бы я знал, какое им нужно сооружение. Им оказалась простейшая бетонная опалубка, которую смог бы смастерить даже тот, кто никогда в жизни не держал в руках топор. Но мы воспитывались в другое время. Патриотизм, интернационализм... В страну пришла беда, джинн вырвался из бутылки и буйствует. Если не поеду я, заберут другого... Разные мысли пронеслись в голове. В то время и в семье взаимопонимания не было. На душе тоска. Так я взял и уехал. Никто плакать не стал, даже не спросили, куда я еду...

Газиз замолчал и снова повернулся к Айсылу. Он растерянно улыбался. Кто мало страдал – плачет, кто много – смеётся. Сам худой, на лице множество мелких морщинок, взгляд печальный. А, вообще, он красивый мужчина, улыбка, несмотря ни на что, красит его.

Вдруг Айсылу подвинулась к нему и села близко, почти касаясь:

– Рассказывайте, Газиз абый, – прошептала она ему в ухо. – Рассказывайте, мне хочется вас слушать, нет, выслушать, да, хочется выслушать. Душу облегчите, вам это не повредит. Правда же...

– Да что ты, Айсылу, милая, ни дня, ни ночи не хватит, чтобы рассказать обо всех ужасах. Чернобыль и сейчас мне снится. Я просыпаюсь от кошмаров весь в поту, в бреду, кричу от страха...

* * *

– Когда мы прибыли на место, саркофаг уже начали строить, – начал свой рассказ Газиз. – Четвёртый блок... Адский огонь... Понятно, что так он не виден. Разве мы видели когда-нибудь атомную ярость?

Глупые, мы ничего не понимаем. Недалеко от сооружений, опалённых атомным огнём, с одной стороны было кладбище с бесчисленным множеством брошенных машин, которыми пользовались лишь несколько раз, тракторов и другой техники. В Чернобыле было очень много туркмен, узбеков, таджиков, киргизов, казахов, татар, башкир, удмуртов, марийцев... Мы строили опалубку по очереди. Как только наступала наша очередь – бегом добирались до блока из зоны, в которой жили. Каждый в маскхалате, в респираторе, в руках – топор, пила, молоток, гвозди, доски... На блоке работаем ровно пятнадцать минут – это наша дневная норма. До нашего приезда заставляли работать сначала по семь минут, затем – по десять. И в этом нам не повезло. Жара стоит, а на нас столько надето, через респиратор дышать невозможно, очки потеют – ничего не видать. Во время работы потеем так, что все насквозь мокрые, хуже, чем в бане. Спешим, суетимся, ошибаемся, только вот исправлять ошибки времени нет.

– О-о, Газиз абый, я вас перебую. Этот ваш саркофаг по телевизору весь как будто в бугорках. Он и вправду такой? – прервала его Айсылу.

– Вот, в том-то и дело. Говорю же, времени, чтобы исправлять ошибки, не было. Где уж там выравнивать его! Саркофаг держит бетонный раствор? Держит! Этого достаточно...

Газиз остановился. Думает, как продолжить или, может, потерял нить? Задумавшись, он смотрит из-под навеса куда-то далеко, за тот берег реки. Айсылу тоже молчит, ей неудобно снова прерывать его.

Нет, он не потерял ниточку. Не переставая смотреть за реку, Газиз продолжил:

– Работать там – это просто ад. Мы только и делали, что спрашивали друг у друга, сколько осталось времени: «Сколько минут?», «Сколько секунд?» Как только время выходит, мы тут же бросаем работу и бежим – чем дальше от опасного огня, тем лучше. Дозиметры в карманах показывают, что мы получили облучение, превышающее норму в несколько раз. Но дозиметристы всегда ввали нам, мол, нет, ничего подобного, ваши приборы ошибаются. И так каждый день. Когда разрушенный блок снова выбросил наружу атомный вихрь, мы временно прекратили работу. Это и инструкцией было предусмотрено: в случае увеличения радиационного фона работы в блоке запрещены. Кроме того, нас должны были перевести в более безопасное место. Но погода тогда изменилась, подул ветер и радиационный фон сдвинулся в сторону от того места, где жили мы. Так мы и не стали переезжать.

Но несмотря ни на что нас всё же пытались выгнать на работу. Ведь должен же кто-то закрыть этот ящик Пандоры. Мы понимаем: положение тяжёлое. Но кому хочется добровольно обрекать себя на верную смерть? Пытались уговорить нас по-хорошему, пытались запугать, даже большие деньги предлагали – но ничего у них не вышло. А затем послали на блок группу таджиков, пообещали им много денег, навешали лапшу на уши. Рабочие должны были заделать бетонным раствором скважину атомного реактора. Не знаю, сколько они смогли там проработать, но они получили в тот раз облучение около пятидесяти рентген. Когда таджики вернулись в палатку, их смуглые лица были словно белое полотно. Волосы, брови, ресницы, усы, бороды – всё прямо на глазах осыпалось опалёнными клочками. Ну, призраки самые настоящие, было страшно не то что смотреть на них, даже рядом стоять. Всех немедленно отправили в Киев, в госпиталь. В первые же дни многие отдали богу душу. Позднее остальные друг за другом тоже стали умирать...

– Газиз абый, неужели всё так и было? Это правда? – Айсылу была так поражена, что схватила Газиза за руку. Но он не стал подтверждать свои слова. Если бы был ребёнком, он бы поклялся: «Ей-богу, чтоб мне провалиться, да чтоб я умер, зажатый меж двух мечетей». Но он словно и не слышал её слов, знай себе продолжал:

– До сих пор у меня перед глазами таджик по имени Асрар. Мы познакомились с этим здоровым, широкоплечим, усатым красавцем тридцати пяти лет.

– Я уважаю татар. Моя янга – татарка, очень умелая хозяйка, хорошая женщина, – говорит.

– А кто это «янга»? – спрашиваю я.

– Жена брата.

– А, значит, кинги*.

Янга – кинги. Ведь это одно и то же слово, только на разных языках, хоть и относятся эти языки к разным языковым группам. Общась, мы нашли много общих слов.

В тот день, когда их послали на блок, я сказал Асрару (таджики называли его Осрор):

– Зачем вы согласились, вы не понимаете, что подвергаете свою жизнь опасности, подумайте хорошенько.

Он удивился и только развёл руками:

– Подумали уже, я не могу отрываться от своих...

Он был словно кролик, загипнотизированный удавом: трясётся от страха, но продолжает идти ему прямо в пасть...

За двадцать минут до приезда машины «скорой помощи» это был усатый Асрар с волнистыми чёрными волосами и густыми бровями. Теперь же он стал поразительно гладкий, словно привидение...

Газиз тяжело вздохнул и долго сидел молча. Думы его тоже были тяжелы. Айсылу не перебивала, она притихла и тоже о чём-то думала.

Потом Газиз словно вспыхнул:

– Если бы мы тогда, послушав представителей штаба по ликвидации аварии, поднялись на блок, сейчас, Айсылу, Газиз абый не смог бы сидеть рядом с тобою...

Руководителем нашей смены был украинец Гончаренко, тощий, как сушёный таракан. Украинцы – красивый, здоровый народ. А этот был чересчур худой. Желтушный, остроносый, востроглазый, с пронзительным голосом. Уж этот-то готов был послать нас и в огонь, и в воду. Беспокоиться о тебе ему и в голову не придёт, а вот на работе он из тебя всю душу вытрясет. Когда не хватало людей, чтобы выполнить норму, он посылал по второму разу уже отработавших. Это явное нарушение инструкции. В нашей смене работал крещёный татарин Николай. Он был мягкий, послушный, терпеливый и немногословный. Гончаренко раз послал его повторно, два послал... И тут я не выдержал:

– Что вы делаете с человеком, хотите прежде времени в могилу загнать?

– Не твоё дело, здесь я начальник смены, – ответил он мне.

– Ах вы, начальник смены? Тогда пойдёмте в штаб, доложите, как соблюдаете инструкцию...

Струсил, мерзавец, отстал и от Николая, и от других.

В тот раз именно он уговаривал нас укротить скважину реактора, грозился, запугивал. Тогда я ему говорю:

– Хорошо, мы согласны, но пойдём только вместе с вами. Без вас – ни шагу.

Не успели мы опомниться, как нашего Гончаренко и след простыл.

Газиз снова затих. Айсылу была поражена тем, как спокойно он говорил об атомной катастрофе. Какая же у него сила воли! Нет, перед ней сидит не простой человек, а настоящий герой.

Она всю жизнь читала о смелых, мужественных, самоотверженных людях, видела их по телевизору, восхищалась их поступками, вот только никогда не видела так близко. Кто бы мог подумать, что жизнь сведёт её с таким человеком...

– Вот так, сестрёнка Айсылу, – продолжал Газиз. – Таджики не смогли далеко уехать, сошли в могилу, а мне, видно, суждено умереть на родной земле. Что поделаешь, у кого какая судьба. Я уж и так лишнего рассказал, прости...

– Нет, нет, вы мне глаза открыли, Газиз абый. Я, оказывается, так мало знала о Чернобыле. Правда.

– Вся страна слишком мало знает об этой ни с чем не сравнимой катастрофе. Поначалу ведь её пытались выдать за простую аварию с небольшими последствиями. В действительности же это была самая большая атомная катастрофа в мире. Бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, испытания на Тоцком полигоне – это всего лишь детища атомного ужаса. Газеты, телевидение сообщают о преждевременной смерти шестисот тысяч человек, попавших в эту беду, участвовавших в её ликвидации, живущих на этой территории и получивших облучение. Шестисот тысяч! С каждым годом эта цифра увеличивается на 60–70 тысяч. Чернобыльская земля и близлежащие территории ещё долгие годы будут харкать кровью...

Уже поздно и пора возвращаться на ужин. Газизу подходил воздух соснового бора, в лесу он чувствовал себя лучше. Они медленно шагали в санаторий по ровной дорожке из бетонных плит.

– У вас необычная судьба, Газиз абый. Тяжёлая, но удивительная. Желаю вам здоровья. Вы это заслужили, – сказала Айсылу и совершенно спокойно взяла его под руку.

– Спасибо за добрые слова, сестрёнка, а про здоровье своё я один знаю...

– Не говорите так. Здесь вы подлечитесь, наберётесь сил, вернётесь, как молодой парень, выпятив грудь. Вы не забывайте – нам ещё нужно станцевать с вами вальс. Я ведь тоже очень люблю вальс. Сегодня станцуем с вами, без этого я не уйду. Что касается меня, я больше никогда вам не откажу. Как это говорится, совершила глупость по молодости?

Айсылу весело улыбнулась и слегка коснулась головой его плеча.

Заходя в здание, она потянула Газиза за рукав и тихонько шепнула, чтобы не услышали прохожие:

– Газиз абый, давайте перед танцами ещё подышим воздухом. Мне так хорошо с вами. Вы столько видели, столько знаете, а как интересно рассказываете. Я ведь одна...

Поднимаясь на свой этаж, Газиз вспомнил слова Айсылу: «Я ведь одна...» Что она хотела этим сказать? Эх, родная, разве только ты в этом мире одинока? Если задуматься, человек с рождения одинок, бессилен, он нуждается в помощи, он несчастен. После чернобыльской катастрофы Газиз чётко это осознал. Плюс к тому пристрастившаяся к спиртному жена... Она тоже была одинока в этом мире и

умерла в одиночестве. Вот так, боль Газиза никак не проходит. Единственная радость в жизни – дочь и новорождённый внук. Всё, что у него есть, теперь для них. А сам одинок так же, как и все. Этого не перескажешь.

* * *

Вечером они пошли в берёзовую рощу.

– А ты мне сначала показалась уж больно гордой, – начал Газиз.

– Да, я такая, Газиз абый, вам не зря так показалось, – сказала Айсылу. – Я с детства росла обидчивой и гордой, всегда стремилась к недостижимым высотам. Я хорошо училась, возможно, это и повлияло на мой характер. Говорят, первая любовь приходит в школе. Среди своих одноклассников я не нашла достойного моей любви, хотя поклонников у меня было немало. С мальчишками, которые с трудом тянули на тройку, я вообще не считалась. Я собиралась получить высшее образование, полюбить принца, выйти за него замуж и жить, как королева. Правда. В десятом классе у нас преподавал астрономию Зуфар абый, который приехал к нам после окончания института. Когда он вошёл в класс, я чуть не потеряла сознание. Стройный, с пышными чёрными волнистыми волосами, большими голубыми глазами. Вот уж принц так принц! Он так интересно вёл уроки, 45 минут пролетали незаметно. Я весь урок не могла оторвать от него глаз. Я грезила какими-то совершенно несбыточными мечтами и почти каждую ночь видела его во сне. Только вот Зуфар на меня даже не смотрел. А рассказать ему о своих чувствах у меня не хватило смелости. Позднее мы узнали, что моя одноклассница призналась учителю в любви. Зуфар абый поговорил с ней, ты, мол, тоже мне нравишься, но ты ещё молода, любовь не заставит себя ждать, а у меня уже есть любимый человек. Уж не знаю, была ли у него девушка, но в тот год, когда мы окончили школу, его забрали в армию. Он служил на военном самолёте стрелком-радистом. Однажды их экипаж попал в аварию и все они погибли. Вот такая она, моя «первая любовь». Сама-то ладно, а вот Зуфара жалко. Такой парень был!

А потом уже я ни к кому сильных чувств не испытывала, сердце моё молчало. Принц не встретился ни в институте, ни когда начала работать...

С одним пожилы, но, как говорят русские, «не сошлись характерами».

В то время как я считала себя неведомо кем, пока ждала неземную любовь, оказалось, что доступная любому, наполненная смыслом жизнь проходит мимо. Тоже мне, королева! А надо бы простой женщиной быть, народить полный дом детей, растить их, быть мужней женой. Сейчас моё единственное утешение – работа: больница, болезни, горести, нескончаемые проблемы. Хорошо хоть рабочий день пролетает незаметно. А по вечерам я одна.

– У тебя совсем никого нет?

– Сестра есть, её муж, дети. Я жила с мамой, в прошлом году похоронили, болела она. Сейчас я одна. Трудно одной...

– Подожди-ка, Айсылу, не поддавайся унынию. Ты ведь ещё молодая...

– Где уж молодая, Газиз абый, мне тридцать три.

– Ну-у, дорогая, это ж бальзаковский возраст. Самая пора. Ты и красивая, очень красивая, и умная. Напрасно беспокоишься. Тебе ещё не поздно начать всё сначала.

– Чтобы начать всё сначала, нужен, Газиз абый, верный и надёжный спутник. А где его сейчас найдёшь? Кругом одни пьяницы, трезвого днём с огнём не сыщешь. А ведь, кроме того, нужен такой человек, с которым можно поговорить, поделиться радостью и горечью. Вот мы, Газиз абый, с вами... Простите, мне хочется обращаться к вам на ты...

– Давай, обращайся, я не против.

– Спасибо! Вот мы с тобой встретились совершенно неожиданно, познакомились, мы, кажется, одинаково мыслим, одинаково смотрим на жизнь. Ты внимательно меня слушаешь, я – тебя. Мы понимаем друг друга. Ведь так, Газиз абый?

– Конечно!

– Самое главное, Газиз абый, я нашла в тебе того, с кем могу поделиться сокровенным. Я давно никому так не открывалась. Ты располагаешь к себе, ты хороший человек. Но я знаю и то, что мы пообщаемся ещё несколько дней и расстанемся. У тебя – своя жизнь, у меня – своя. Разойдёмся как в море корабли...

Газиз не знал, что на это ответить. У каждого своя беда, своя печаль, своя боль. Но в то же время «я нашла того, с кем могу поделиться сокровенным» – она ведь на что-то надеется. Видно, что ей хочется

быть с кем-то. Это естественно. Только вместе с кем-то можно найти покой, спастись от одиночества. Разве Газизу не хочется быть с ней? Она красивая, обаятельная, живая, и душа у неё, кажется, светлая...

Но обнадёживать её было бы неправильно. Его положение таково: сегодня он есть, завтра – нет...

Айсылу оторвала Газиза от грустных мыслей:

– Газиз абый, тебе в жизни много досталось. Наверное, и в любви опыт имеешь. Вот скажи-ка: какой должна быть настоящая любовь? Ведь, кроме безответных чувств к Зуфару, я и не знаю, что это такое.

– Айсылу, любовь не может быть ни настоящей, ни ложной, ни хорошей, ни плохой. Называть любовь настоящей само по себе неправильно. Любовь – это искреннее пламенное чувство. Если спросишь, какие должны быть отношения между двумя влюблёнными, я с уверенностью могу сказать лишь одно – должно быть взаимопонимание. Нужно, чтобы всегда горел огонь любви. Ведь зимой в домах для тепла топят печи. Вот и любовь не остынет, если её подпитывать. Без этого жизнь не имеет смысла, и можно даже не надеяться на добрые отношения.

– А твоя первая любовь? Расскажи-ка, Газиз абый, – попросила Айсылу и лукаво улыбнулась.

– А ты, сестрёнка, хитрая, – сказал Газиз с умилением. А затем серьёзно продолжил:

– К сожалению, я говорю тебе о любви, только предполагая, что так должно быть. Кажется, «настоящую любовь», о которой ты мечтаешь, которую ждёшь, я и сам не видел. Я был слишком молод, когда во мне в первый раз вспыхнуло это чувство. Мы тогда учились в строительном училище. Стали ходить на стройку, на практику. Вот там я и увидел красивую девушку, работающую на кране. У неё были пышные чёрные волосы, заплетённые в две толстые косы, голубые, словно изумруды, глаза, пухлые алые губы... Я лишился сна. Мы с ней стали встречаться. Любимая даже подарила мне свою фотографию. Сармадия – так её звали – вскоре заговорила о свадьбе. «Так ведь, – я говорю, – мне только восемнадцать, в этом году могут в армию забрать». «В таком случае, – говорит она, – я не могу ждать твоего возвращения, выйду замуж». Я испугался: ведь без неё мне не жить...

Знаешь, любовь в молодости больше похожа на детскую игру. Ты ещё не научился как следует думать, ещё не знаешь, что надо считаться с законами жизни, опыта нет, жизнь тебя ещё не побилла, твоё мнение на первом месте, и оно единственно правильное, твоё желание – закон, и, конечно же, ты сильно заблуждаешься.

Мне тогда надо было очень хорошо подумать. «Я не могу ждать твоего возвращения...» Ведь человек тебе прямым текстом говорит, что любви нет. Надо было сказать: «Не можешь – так скатертью дорога». Любящая девушка сказала бы совсем другое: «Я буду ждать тебя всю жизнь. Ты – мой единственный. Мне будет тяжело без тебя, но я выдержу...» Где уж там? «Я не могу ждать твоего возвращения...» То ли ума не хватило подумать об этом, то ли любовь затуманила разум?

Помню, однажды звонит старший брат. Ему тогда уже было двадцать пять лет. Давно вернулся из армии, работает на буровой, помогает матери, родным в деревне, строит там дом, кроме того, заочно учится в университете. О женитьбе он и не думал, да и времени не было. А я, дурак, жениться собрался. «Что на тебя нашло?» – спрашивает брат. Нет бы его послушать. Не послушал. Поженились. Через несколько месяцев меня и вправду забрали в армию.

Я только потом понял, каким дураком оказался. Безусловно, поженились мы только потому, что я любил её. Для Сармадии главным была не любовь, ей нужно было успеть выйти замуж, потому как годы идут – тогда ей было уже двадцать два года. Но она тоже ошиблась, она ведь ничего не выиграла. Как я ни мечтал создать дружную семью, ничего не вышло, потому что не было взаимопонимания, гармонии.

Кто виноват? Молодость, неопытность, безответственность... Я никогда не считал, что моей вины нет. Конечно же, я тоже виноват...

– Вы разошлись?

– Нет, не разошлись. Когда я вернулся из армии, она уже совсем охладела ко мне. Может, у неё был кто-то, в любом случае, тогда эта мысль мне в голову не приходила. Я любил её как прежде. Но постепенно и мои чувства остыли. Как оказалось, любовь должна быть взаимной, иначе она умирает. Сармадия замкнулась в себе и стала втихую выпивать. Я был вынужден жить своей жизнью, в своём мире. Получил высшее образование, перешёл на новую работу. Архитектура – дело творческое, интересное, увлекательное. Когда есть любимое дело, можно жить. Я совершенствовал древние стили строительства, чертил проекты красивых домов, я жил в постоянных мечтах об этом и дома, и на работе. Только вот в те годы невозможно было построить что-либо по моим проектам. Тогда строились сплошные серые солдатские казармы, безобразные жилые дома, больше похожие на колхозные фермы, уродливые административные здания. От моих проектов оставались лишь рожки да ножки, потому что это было время «экономной экономики». А вот сейчас для творческого человека раздолье. Жизнь течёт по другому руслу. Появились предприниматели, бизнесмены. Все строят дома в несколько этажей, с баней,

бассейном, спортзалом. Это хорошо. Есть возможность – пусть строят. И нам, архитекторам-мечтателям, работы много, только бы фантазия работала. Я уже создал около десяти проектов, до сих пор люди интересуются. Проекты мои нравятся, потому и заказы есть. Я создам им проект дома, а обо мне в городе память останется. Если кто-то спросит: «По чьему проекту построен этот красивый дом?», пусть отвечают: «По проекту Газиза Султанова». В этом мире никто не вечен. А я... В Чернобыле нас было семеро. Четверых уже нет, нас осталось трое. Кто следующий – никому не известно. Жалко, конечно, шедевр мирового масштаба построить не удалось, хоть и мечтал. Всё же я доволен и тем, что останутся дома, созданные по моим проектам. Говорят ведь, если вкладывать в работу всю душу, слава останется.

Ты не подумай, что вот, мол, хвастается старик. Этот этап я прошёл. Я только хотел сказать, что в последние годы доволен своей работой.

– Газиз абый, дорогой...

Айсылу хотелось так много ему сказать, но от избытка чувств она больше ничего не смогла произнести. В эти минуты её сердце бешено колотилось, душа трепетала, а карие глаза были полны слёз. Женщина посмотрела ему в глаза, затем крепко обняла его, и они безмолвно стояли так какое-то время.

Стало смеркаться. И листья молодой осины вдоль тропинки зашелестели, словно бы говоря: «Поздно уже, вам пора возвращаться...»

* * *

Отъезд Газиза в Чернобыль был не совсем таким, как он его описал Айсылу. Невозможно всё время говорить только правду. Зачем беречь старые раны? Что было, то прошло и больём поросло.

Ой ли? Прошло ли? Почему же тогда постоянно всплывает в памяти, постоянно терзает душу, не даёт покоя?

...Ещё в молодости, во время учёбы в техническом училище, у него был друг, с которым они сидели за одной партией. Сутуловатый, худой до того, что, казалось, даже если ткнуть его вилами, крови не будет, его светлые волосы торчали, словно иголки ежа, парень с маленькими глазками по имени Тансык*. Мальчишки из училища даже дали ему прозвище «Журавлиный глаз». Тансыка не любили, не то что другом, даже хорошим товарищем не считали. Ничего удивительного, у парня, готового угождать любому, прислуживать, авторитета не было. Поэтому ему ничего не оставалось, кроме как искать защиты у доброго, великодушного, простого парня Газиза. Они не были большими друзьями, но всё же всегда ходили вместе. После окончания учёбы Газиз даже не заметил, куда делся Тансык. Если бы они больше не встретились, Газиз бы и не вспомнил, что тот есть на свете. Годы шли. И вот, преодолев немало жизненных испытаний, разменяв четвёртый десяток, на улице в военном чине полковника Газиз узнал давно позабытого друга юности Тансыка. Если бы он только знал, что эта встреча принесёт ему разочарование!

Из мужичка с ноготок вышел здоровый офицер с огромным животом и короткой шеей. Вот дела! Не смотри, что глазки маленькие, он сумел найти правильный путь в это нелёгкое время – выбрал мундир, сделал карьеру. Тихо-мирно служил в разных уголках и, наконец, вернулся на родину. И ведь кем – военным комиссаром города, большим человеком. Лесть и угодничество ему в жизни пригодились. Более того, как оказалось, Тансык, который в первые месяцы обучения в училище не знал по-русски и двух слов, теперь совсем «забыл» родной язык.

Разговор двух друзей после долгой разлуки выглядел примерно так:

– Тансык, Тансык, ты ли это? – спросил Газиз.

Тансык сделал вид, что не узнал Газиза и совсем не понимает по-татарски:

– Говорите по-русски!

– Так ведь ты же Сарачев...

– Да, я – Сарычев.

– Тансык...

– Нет, Анатолий Иванович.

– Подожди, Тансык. Так ты меня не узнаёшь? Я – Газиз, Газиз Султанов. Помнишь, мы сидели с тобой за одной партией в техническом училище?

– Да, вроде припоминаю...

– Да-а, парень, ты из-ме-нил-ся! Сарычев... Анатолий Иванович... Что, и в документах так?

– Угадал.

– Раз так, и жена, наверное, русская?

– А чего тут удивительного?

– Много чего, парень, удивительного. Даже слишком много...

– Такова жизнь, только ты на меня не обижайся. Давай поговорим: как ты, где работаешь, кем стал?..

Конечно, поговорили. Не потому, что Газиз соскучился по совсем забытому другу, а просто потому, чтобы извлечь для себя урок.

Вот тебе и Тансык, вот тебе и «Журавлиный глаз»! Женился на русской, отказался от родного языка, от своей нации, от религии, веру свою продал и всего себя с потрохами. До такой подлости додумался – поменял фамилию Сарачев на Сарычев. Татарская фамилия превратилась в русскую: сарыч*! Так русские называют хищную птицу. Всё же не курица и не цыплёнок. Вместе с фамилией поменял и имя, и отчество. Из сына Имама, Тансыка, превратился в Анатолия Ивановича. Теперь уж русская жена не скажет: «Милый мой Тансык!» Скажут они тебе...

Ах, куда катится мир? Куда? Если бы такой удивительный и прискорбный случай произошёл с одним Тансыком. Вон у Газиза у самого близкие родственники... Его двоюродный брат Гариф, женившись на мокше из Саранска, всю свою жизнь перевернул вверх дном. Иногда ведь даже со своими сложно. Две нации, два языка, две религии, разные обычаи, традиции. Ох, как нелегко их совместить. Вот и Гариф с женой не смогли найти общий язык и разошлись. Сын Тимур и дочь Венера уехали, не зная и двух татарских слов, мать не позволяла детям говорить по-татарски. А когда они выросли и получили паспорта, то в графе «национальность» мать заставила написать «русский», «русская». Чего только в жизни не бывает – дети, рождённые от мокши и татарина: Тимур Гарифович Сагитов – русский, Венера Гарифовна Сагитова тоже русская...

Другие родственники Газиза также перемешались кто с кем: с русскими, с чувашами, с белорусами. У них тоже нет будущего, они будут всё больше и больше отдаляться от своих корней...

Тансык – Анатолий Иванович – выбрал тот же путь. Всю жизнь нуждающийся в друзьях-товарищах Тансык снова прицепился к Газизу. Если бы Газиз был столяром, Тансык не стал бы ронять своего достоинства. А тут – архитектор! Такого товарища и за стол посадить не стыдно. Они стали встречаться, даже отмечали семейные праздники, вместе пили водку, несмотря на то, что от первой встречи у Газиза остался неприятный осадок. Так как в семье его не было покоя, тепла и понимания, чтобы хоть как-то украсить свою жизнь, Газиз вынужден был общаться с «Журавлиным глазом», потихоньку «вспоминающим» родной язык.

Чернобыльская авария, которая прилась как раз на период расцвета приятельских отношений, неожиданно встала между судьбами двух товарищей. Военный комиссар должен был в срочном порядке отправить на место аварии тридцать человек. Вместе со своим аппаратом он из кожи вон лез, чтобы собрать народ. Уговорами вызвали несколько человек из запаса, но слово «атом» многих пугало. Никто добровольно ехать не спешил. К назначенному сроку не только тридцать, но и десяти человек не набрали. Появилась угроза невыполнения задания. Сверху всё теребили: «Чего тянешь? В отставку хочешь?..» Тансык лишился сна...

Бедному Иванушке всюду камушки: как раз в это время Газиз и Тансык совершенно случайно встретились на улице.

– Пойдём-ка зайдём ко мне, – серьёзным тоном произнёс Тансык.

Зашли. Тансык достал из шкафа бутылку водки, рюмки. Выпили по одной за встречу. И только после этого хозяин начал:

– Пропадаю. Всё рушится, спаси. – И объяснил ситуацию. А потом как будто бы что-то вспомнил:

– Сказали, нужен архитектор. Строить какое-то важное сооружение. Выручи! Если поедешь, я тебе, близкому другу, военную пенсию выхлопочу: «За выполнение особого задания перед Родиной». У нас есть такие права, – обманул он. – Кроме того, ты там на всю жизнь заработаешь, – добавил он и пошуршал пальцами.

Газиз не знал, верить ему или нет. Уж «близкий друг» не обманет. И деньги, и пенсия – это ещё вилами на воде писано. А вот то, что архитектор нужен... Говорит, какое-то важное сооружение. Может, оно и вправду так?..

Вот так и попался на крокодильи слёзы Тансыка Газиз, который всю жизнь в поте лица честным трудом зарабатывал на пропитание. Простой, наивный, как ребёнок, бесхитростный Газиз. Как в омут с головой...

Только приехав в Чернобыль, Газиз понял, каким лживым и двуличным был Тансык. В глаза говорит одно, а за глаза – другое. Где уж тут важное архитектурное сооружение? Там нужны были простые рабочие, столяры, грузчики, бетонщики. О такой рабочей силе говорят: «Бери больше, кидай дальше».

* * *

Ещё в дороге Газиз узнал, насколько это серьёзная и опасная катастрофа. Когда он ждал поезд на бугульминском вокзале, подошёл здоровый, широкоплечий, смуглый человек в военной форме с капитанскими погонами. Оказывается, он услышал, как интернациональная группа людей всё время говорила о Чернобыле. Познакомились. Зовут – Василий, фамилия – Емельянов. Как выяснилось, он – чуваш, выросший в деревне Балантай Шенталинского района. Служит в системе МВД. Как раз перед катастрофой он был отправлен в Киев на курсы повышения квалификации. С начала учёбы прошло лишь десять дней, когда их по тревоге подняли в два часа ночи и сообщили, что на Чернобыльской атомной электростанции случилась то ли авария, то ли диверсия. И добавили: «С этой минуты вы переходите в распоряжение МВД Украинской ССР».

Дают какое-то время на сборы. Но как собираться – никто не знает. У дверей общежития друг за другом останавливаются около десятка больших автобусов. Собравшись как попало и набившись в автобусы, около двухсот пятидесяти слушателей из разных уголков страны, приехавших сюда для повышения квалификации, выезжают в дорогу. Группа не обеспечивается даже специальными химическими средствами защиты.

Они приезжают в Чернобыль, приближаются к расположенной в восемнадцати километрах от города АЭС, но их останавливают. К этому времени за счёт больших усилий и потерь был потушен пожар. Куда идти, что делать? Руководство, которое привезло их сюда, пошло искать штаб, а слушатели, выйдя из автобусов, стояли поражённые картиной, открывшейся перед их глазами. Впереди – огромная атомная электростанция. Но она вся обгоревшая, один её блок разрушился, почернел, из него всё ещё валил дым, столбы высоковольтных электрических линий повалились в разные стороны. Кругом беспорядок, неразбериха. Над станцией летают военные вертолёты. От их грохочущего шума не только воздух, но и земля сотрясается так, что уши закладывает. Везде развешаны разноцветные шары.

Слушателям, которые не понимали назначения этих шаров, на следующий день самим пришлось с ними возиться. Сотрудников МВД в спешке разместили в школе деревни Полесье, а с утра пораньше привезли к разрушенному блоку и дали работу. То, что вчера выглядело как разноцветные красивые круги, повешенные на вертолёты, оказалось простыми парашютами военной техники. Два дня с утра до вечера слушатели собирали в эти парашюты песок, булыжники, остатки доломита, куски слитков свинца и олова, вешали наполненные парашюты на вертолёты, а те бросали их со всем содержимым на разрушенный четвёртый блок. Некоторые попадали в адское жерло, некоторые – нет. Главная задача – закрыть скважину реактора, из которого беспрестанно шёл поток радиации. Но разве всё бывает так, как нам хочется? Кроме того, куски слитков свинца и олова, сбрасываемые вертолётами, плавятся в реакторе, ядовитым облаком выбрасываются наружу и, поднимаясь в воздух, доставляют дополнительные хлопоты.

Наконец прибыли дозиметристы. До сих пор суетившийся вокруг станции народ не был поставлен в известность о том, на каком уровне здесь радиация.

Затем Василий Емельянов и ещё 7–8 человек по собственному желанию на БТРах были отправлены охранять город Припять, из которого в ночь аварии в течение получаса были эвакуированы все жители. Потому что на его пустынных, словно в древних городах, улицах стали появляться мародёры. Ими оказалась приезжающая сюда на мотоциклах из белорусских деревень молодёжь, пожелавшая разжиться на богатстве людей, покинувших свои дома кто в чём был.

– Нам было приказано стрелять в них без предупреждения, – сказал Емельянов. – Но мы не могли. Ведь можно было и ошибиться, потому что и сами хозяева возвращались по ночам за одеждой, постелью или забытыми в полах документами. Но всё же «мотоциклисты» успели ограбить некоторые квартиры, магазины, аптеки. В те дни улицы брошенного города создавали жуткую картину. Уходя из дома, люди выбрасывали прямо из окон, с балконов все продукты, что у них были. Потому что то, что облучено, есть нельзя. Но их ели полублестлые, парализованные, волокущие за собой заднюю часть тела собаки и кошки. Особенно тяжело было слышать душераздирающие крики больных кошек на пустынных улицах. В парках, скверах и аллеях когда-то зелёные деревья, декоративные кустарники, цветы на клумбах пожелтели и высохли, некоторые окрасились в розовый цвет. На улицах – брошенные машины, мотоциклы, другая техника.

А в это время правительство сидело в недоумении, не зная, что делать. Только когда прошли пятые сутки после катастрофы, Горбачёв, выступив по центральному телевидению, сообщил об аварии в Чернобыле. Но руководитель государства солгал, что последствия аварии невелики, что нет никакой опасности, народ спокоен, созданы все условия для ликвидации аварии.

Ну, конечно же, он не говорил о масштабах катастрофы, о том, что это мировая трагедия, что ещё на первых этапах погибли десятки людей в огне и радиации, в том числе несколько работников станции,

которые были погребены под обломками во время первого взрыва, об их умоляющих о помощи криках, о том, что их невозможно было спасти и они остались там умирать.

Только на девятый день перед слушателями курсов была поставлена задача эвакуировать жителей деревень, расположенных в радиусе 30 км от атомной электростанции. Сначала их самих перевезли за этот радиус в какую-то деревню.

– Нам было приказано не говорить правду эвакуированному народу, – рассказывал Василий Емельянов. – «Мы просим вас уехать всего на 2–3 дня, скоро снова сможете вернуться. Возьмите с собой только еду...»

Нет, люди не верили. Они уже хорошо знали о том, что случилось с жителями города Припять. Знали, но у них не было выхода, и они подчинялись. «Вы хоть не врете, скажите как есть. Мы ведь тоже не дураки, попытаемся понять», – говорили им. Но были и такие, кто не захотел подчиниться. Две-три семьи были категорически против уезжать и остались в деревне. Они сказали: «Здесь родились, здесь жили, здесь и умрём».

– Всего, что там было, и не расскажешь. Нередко нам самим хотелось реветь в голос. Вся скотина осталась на улице. Люди не могли поймать своих свиней, они с визгом убегали. Пчёлы тоже остались. Они гудели как ошалелые. А некоторые хозяева даже забыли отвязать своих собак. Сотни аистов, усевшись на телеграфные столбы, на трубы, на верхушки деревьев, грустно наблюдали за происходящим, поворачивая головы из стороны в сторону, недоумённо пытаясь понять причину деревенской суматохи. Ужас!..

Если бы не пришёл поезд, Емельянов ещё много чего мог бы рассказать. Прощаясь, он перешёл с общепринятого языка общения – русского на татарский:

– Эх, товарищи, пожалуйста, будьте осторожны, берегите себя! Там очень тяжёлая ситуация. – Сам он ехал в Казань, на обследование в госпиталь, потому что за ту неделю, что провёл в Чернобыле, получил сильное облучение.

Позже Газиз увидел намного больше того, о чём рассказывал Емельянов. И не просто увидел, а испытал на собственной шкуре. То, что он рассказал Айсылу, было лишь каплей в море увиденного и испытанного им самим.

* * *

Из Чернобыля Газиз вернулся уставший, вконец изнурённый, больной. Целую неделю никуда не выходил, отмачивался в ванне, в тёплой воде. Думал, может, отдыхая и принимая ванны, он немного отойдёт от тяжёлых впечатлений, облучения и других проблем. Раньше у него было крепкое здоровье. В молодости он трудился, занимался спортом, да и потом ему часто приходилось держать в руках лопату и топор. Он не помнил, чтобы когда-нибудь обращался в поликлинику. Может, его сильный организм не поддастся болезни?..

Через несколько дней Газизу захотелось выйти в мир. Увидев, что он одевается, Сармадия спросила:

– Ты куда? – Обычно она была равнодушна к нему: пришёл, ушёл – ей всё равно. А в этот раз почему-то заинтересовалась. Может, что-то хотела сказать?

– Дай, думаю, схожу в военкомат, к другу Тансыку, – попытался спокойно ответить Газиз.

– Скажешь тоже – друг. Дружишь с всякими мерзавцами...

– С чего ты взяла, что он мерзавец? Ты ведь тоже, кажется, считала его близким человеком?

– Я делала вид, чтобы тебе было хорошо. Негодяй...

– Говори, что случилось?

– Когда ты уехал, он пришёл с гостинцами. Давай, говорит, полакомимся вдвоём. Я, говорит, давно об этом мечтаю. Короче, он собирался переночевать у меня. Думал, наверное, подлец, что я такая. Чуть голову ему бутылкой коньяка не разбила, еле ноги унёс. Вот он какой, твой друг...

Газиза словно холодной водой окатили. Ты посмотри на этого Тансыка! Какая подлость, какая низость! Может, убить этого пакостника прямо в кабинете?

Внутри у него всё кипело, но он ничего не смог сказать. В эту минуту все мысли в его голове перепутались.

– Что застыл? Или язык прикусил? Может, тебе всё равно? А что бы ты делал, если бы на моём месте была какая-нибудь распутная женщина? Ты слышишь?

– Слышу, – наконец произнёс Газиз и, вспыхнув, вышел...

В приёмную Сарычева он вошёл весь разгорячённый. Секретарь давно знала его, поэтому не стала останавливать: «Он у себя». Когда Газиз вошёл, в кабинете было несколько подчинённых. Увидев Газиза в

дверях, Тансык удивился, но взял себя в руки. Будто бы что-то почувствовав, он пытался остановить Газиза:

– Мы заняты пока.

– Я тоже очень занят. Тем не менее из Чернобыля привёз вам горячий привет, – сказал Газиз специально по-русски и, твёрдо ступая, подошёл к Тансыку. Тот нерешительно поднялся и протянул руку, чтобы поздороваться. В это мгновение Газиз со скоростью молнии поднял руку и звонко саданул его по морде. Удар был такой сильный, что у Тансыка искры из глаз посыпались. Подчинённые, видевшие всё это, повскакивали с мест и хотели броситься на Газиза, но он сквозь зубы произнёс по-русски:

– Если не хотите скандала, не подходите. Этот подонок заслуживает большего...

Когда говоришь по-русски, получается эффектно и доходит до тупых подлых душонок: те сразу затихли.

Гордо подняв голову, Газиз вышел из кабинета. Он дал себе слово никогда больше не вспоминать ни отношений с этим мерзким человечешкой, ни того, что произошло сегодня. Он пообещал не беречь себе душу и забыть об этом навсегда. Да, пообещал. Но разве сердечные раны так легко заживают?..

* * *

Вернувшись из Чернобыля, Газиз собирался забыть обо всех проблемах и жить спокойно. Пройдя обследование в Казани, два года подряд он ездил лечиться на курорты: первый раз за счёт соцстраха, второй – за свой. Так и закончились привезённые деньги.

Судя по справке, выданной Газизу в Чернобыле, он получил облучение дозой 24 рентгена.

Если бы было 25, ему дали бы третью группу инвалидности. В действительности же он облучился дозой, во много раз превышающей предельно допустимую: не меньше 30, а может, и все 40 и 50 рентген. В Чернобыле дозиметристы сознательно обманывали. А иначе их там не держали бы. На проклятой земле Чернобыля Газиз сделал для себя открытие: для Советского Союза, который раньше на каждом шагу хвастался, мол: «Всё – во имя человека, всё – для блага человека», нет ничего святого. В этой стране жизнь и судьба человеческая и гроша ломаного не стоили. Чтобы «великая» страна под названием СССР не опозорилась перед мировой общественностью, атомную катастрофу пытались выдать за простую аварию. Чтобы замести следы, использовали любые способы, даже отправили облучаться тысячи людей...

Каждый, кто участвовал в ликвидации аварии, сейчас инвалид, потому что все получили там серьёзные дозы облучения. Но никто не станет сочувствовать этим людям и подтверждать их диагноз. Потому что ты живёшь в лживом мире. Эх, разоблачить бы этот неискренний, двуличный мир...

Возвращаясь, он много думал об этом. Разве тут до спокойствия?..

Однажды, вернувшись с работы, Газиз сел смотреть телевизор. Передача была из Казани, о том, что на берегу Камы по неутверждённому проекту на сейсмически неспокойном месте тектонической трещины строится атомная электростанция и что широкая общественность и население выступают против этого. Значит, снова обман, снова хитрость. Газиз разозлился. Ну как можно терпеть такое? Он хорошо знал: прежде чем ты соорудишь самое безобидное строение хоть в городе, хоть за городом, из тебя всю душу вытрясут, сотни раз проверяя, утверждён проект или нет. А тут строят атомную электростанцию мирового масштаба, половина уже построена, потрачено несметное количество народных денег, жители близлежащих деревень переселены в город энергетиков, а о самом основном требовании – утверждении проекта – даже и не подумали. Какая самонадеянность! Это просто невыносимо! Нет, так оставлять это нельзя! Газиз слышал о том, что в центре татарского мира строится такое опасное сооружение, но он был как-то равнодушен к этому. Теперь же, как человек, перенёсший тяжесть чернобыльской беды на своих плечах, увидевший это несчастье собственными глазами, он принял новость близко к сердцу. Нет, это строительство, не застрахованное от катастрофы, не было нужно Чернобылю, не нужно ни земле Татарстана либо Башкортостана, ни какой-либо другой земле! Каждый раз, когда в Чернобыле они беседовали с товарищами по несчастью, всегда приходили к выводу, что строительство атомной электростанции – это преступление, а те, кто её строит, – преступники. А то, что начали стройку АЭС на берегу Камы, никого не спросив, не считаясь с мнением живущего там населения, не получив его разрешения, – двойное преступление.

Той ночью Газиз никак не мог уснуть, всё думал об этом, переживал. Теперь цель его была ясна – встать в ряды противников строительства атомной электростанции. Но с чего начать, с кого? К кому обратиться? И тут Газиз вспомнил своего коллегу по работе Аниса Джамалиева. Приятный, грамотный, болеющий за свой народ архитектор, участвующий в работе городского отделения Татарского общественного центра. Он не может не знать об этом строительстве...

Придя утром в контору, Газиз сразу же пошёл по длинному коридору искать кабинет Джамалиева. Несмотря на то, что ещё было много времени до начала рабочего дня, Анис уже сидел в белой рубашке и чёрной тюбетейке за столом, работал над проектом. Он настоящий мастер своего дела и очень трудолюбив. С тех пор как Анис начал участвовать в работе национального движения, он стал носить очень идущую ему чёрную тюбетейку, чтобы показать всем, что он татарин, который печётся об интересах собственного народа. Иногда Газизу и самому, следуя примеру товарища, очень хотелось носить такую же тюбетейку.

У Аниса светлое лицо, красивая улыбка. И говорит он основательно, осмысленно. Услышав о просьбе Газиза, он обрадовался:

– Вот это, Газиз, хорошо. Нам такие борцы, как ты, нужны. Как же мы о тебе забыли? Завтра состоится собрание нашей организации. Приходи, послушай, войдёшь в курс дела, а потом посмотрим.

Собрание членов отделения Общественного центра проходило в малом зале театра. Там собралось около тридцати человек. В основном пожилые, молодёжь можно было по пальцам пересчитать – Газиз обратил на это внимание. Руководитель отделения Хайдар Шагитов, шестой десяток которого подходил к концу, худощавый, аккуратно одетый, всю жизнь преподававший детям историю, первым взял слово:

– В этом году четвёртая годовщина чернобыльской катастрофы. Сегодня мы думаем о страшной силе, созданной человеком, которая сотни лет будет приносить людям мучительную смерть, – он сразу перешёл к сути дела. (Опытный учитель знает, что растекаться мыслью по древу здесь негоже.) – Что же вынуждает человека накладывать на себя руки? Кто подталкивает к этому, какие силы? А между тем есть такие силы, такие ведомства, не желающие считаться с мнением народа. Мы, жители автономной, но ограниченной в своих правах республики, на каждом шагу ощущаем их насильно навязанные обязательства. Если мы выскажем свою точку зрения по поводу социальной справедливости, тут же услышим свист кнута, и тогда нам, народу, волею судеб считающемуся второсортным, останется только склонить голову ещё ниже...

Оратор ненадолго затих, поправил очки, окинул взглядом слушателей и продолжил:

– Ещё одна напасть, свалившаяся сегодня на татарскую нацию, – это атомная электростанция... Она возвышается на берегу полноводной реки с богатой историей – Камы, в красивом густонаселённом уголке Татарстана. Товарищи, давайте ещё раз обсудим эти вопросы. Тому есть причины. Как известно, недавно правительство СССР, опираясь на заключение Экспертной комиссии по сейсмологии при Академии наук, приняло решение о финансировании татарстанской АЭС в качестве сооружения, введение в строй которого предусмотрено в ближайшее время. Но это ещё не всё, обращение правительства республики осталось без внимания. В единственном официальном документе, пришедшем на сегодняшний день в Казань, – ответе Совета Министров СССР на письмо общественности, выступающей против строительства АЭС в Татарстане, – сказано, что строительство данного сооружения будет продолжено. Верховный Совет республики принял решение остановить строительство объектов, которые будут задействованы в работе АЭС. Но, к сожалению, данный документ к настоящему моменту не имеет юридической силы. В этой связи ответственные члены Совета Министров СССР создали государственную комиссию под руководством академика В.Н.Страхова с целью использования её в качестве щита. В работе этой комиссии принимал участие наш человек, главный геолог нефтяного объединения, доктор минералогических наук Муслим Халиуллов. Сегодня он среди нас. В каких условиях и в каком направлении велась работа комиссии? Товарищ собирается рассказать нам об этом. Пожалуйста...

Муслим Халиуллов тоже человек не молодой, он давно поседел, такой же высокий, как Шагитов, но поплотнее, в дорогом светло-зелёном костюме. Немного опущенное плечо слегка портит его осанку. Он тоже, оказывается, не из тех, кто лезет за словом в карман.

– Работа экспертной комиссии, состоящей из тридцати трёх учёных, велась в напряжённых условиях, – сказал он, тяжело вздохнув. – От республики нас было всего четыре человека. Сколько мы ни старались доказать, какой ошибкой будет и к какой беде может привести строительство на берегу Камы АЭС, учёные, приставленные для защиты интересов правительства, не дали нам внести какие бы то ни было исправления в акт экспертизы, который они пытались навязать нам силой. А наши аргументы были беспорны, предупреждения – основательны. В «схватке», которая велась в течение двух дней по двенадцать часов, мне самому пришлось двадцать раз брать слово. В качестве главных аргументов мы пытались вывести то, что АЭС строится на месте тектонической трещины, что там не проводились специальные исследования, что не изучены сейсмологические, геологические, гидрологические условия местности. Но ни один из них не оказал должного воздействия на представителей Москвы. Более того, один учёный-сейсмолог выступил с глупым заявлением, что Татарстан находится вдали, а именно в двух тысячах километрах от Армении, и поэтому там невозможны никакие землетрясения. Станция строится по

проекту старого типа, плохо зарекомендовавшему себя, не согласованному с земельными органами, и на неё уже потрачено полмиллиарда рублей. Вот почему атомное ведомство не сдаётся. Честно говоря, научного спора не получилось. Наши аргументы отбросили в сторону. В конце концов мы, отказавшись подписывать предложенный комиссией акт, были вынуждены представить наше мнение в письменном виде. Вот так...

– Скажите, а как вы вообще смотрите на строительство атомных станций, на использование атомной энергии в хозяйстве? – спросил его кто-то из зала.

– Я считаю, что сегодня у нас в республике нет возможности использовать атомную энергию в народном хозяйстве. Нам гораздо удобнее использовать энергию рек, водопадов, потому что по стране их бесчисленное множество. Самое главное – это то, что их эксплуатация неопасна. Кроме того, для станций, работающих на топливе, сырья предостаточно – уголь, мазут. А атомные электростанции... Чернобыльская катастрофа сама за себя говорит. По-моему, для строительства таких сверхответственных сооружений у нас нет ни подготовленных сил, ни ведомств. А что касается катастрофы... Это очень страшно. Скажу только одно: распад непереносимого компонента атомного реактора – плутония – продолжается миллиарды лет. Вы можете себе это представить? Поэтому сложно сказать, чем и когда закончится катастрофа.

Договорив, Халиуллов сел на место.

После него встал коллега Газиза Анис Джамалиев. Сам он хоть и был спокоен, но речь его произвела сильное впечатление:

– Мы стоим перед страшной бедой. К тому же по соседству с нами строится АЭС Башкортостана. На клочке земли – две станции. Строительство ещё одной подобной станции планируется на другой нашей границе – в Республике Удмуртия. В соседней Ульяновской области такая станция уже работает. Если случится катастрофа типа чернобыльской, исчезнет не только наша республика, но и все народы Волго-Каспийского бассейна, всё живое...

Терпение собравшихся лопнуло. Они вставали один за другим и разъярённо высказывались, вносили свои предложения:

– Собрать подписи населения против строительства!

– Устроить предупредительную забастовку!

– Проводить везде митинги!

– Собрать народ и провести митинг прямо на стройке!..

Руководитель отделения Татарского общественного центра подвёл итоги собрания:

– У нас одно мнение, одно желание, одна позиция. В таких условиях мы не можем больше соглашаться с интересами ведомства, настроенного против народа. Мы должны сделать серьёзный шаг ради жизни будущих поколений. Раз они игнорируют наши требования, разумно будет в первую очередь провести массовые митинги в день годовщины чернобыльской аварии. Кто за это?

Все дружно подняли руки. Газиз, наверное, поднял руку первым, потому что собрание, его содержание, предельная важность обсуждаемых проблем его очень взволновали и вдохновили. Вот ведь оно как: народ не спит, оказывается, он не равнодушен к своей судьбе, к своему будущему, в ярости он встал на тропу борьбы...

Перед тем как разойтись, Анис подошёл к Газизу:

– Ну, как?

– Здорово! – ответил Газиз, волнуясь.

– Сможешь выступить на митинге? Ты – живой свидетель чернобыльской трагедии. Твоё выступление произведёт сильное впечатление...

От этого предложения Газиз растерялся и даже испугался:

– А как?

– Просто подробно рассказывай всё, что там видел. Больше от тебя ничего не требуется.

– Согласен, – сказал Газиз, хоть поначалу и сомневался.

Газиз готовился к митингу весь день, весь вечер и даже утро. Он намеревался во всех деталях рассказать о том, что было в Чернобыле. Но, как оказалось, каждому выступающему давалось лишь три-четыре минуты. Об этом он узнал только тогда, когда пришёл на городскую центральную площадь. Народу пришло много, видно, потому, что о митинге объявляли и по радио, и по телевидению. Везде транспаранты, плакаты, карикатуры: «Нет второму Чернобылю!», «Мы не хотим быть жертвами атома!», «Не допустим самоуправства!», «Атом – это трагедия!», «Долой АЭС!».

Вот к микрофону, установленному между колоннами Дворца культуры, поднялся Хайдар Шагитов, прокашлялся и, как умеют только опытные ораторы, не стал ходить вокруг да около:

– Чернобыльская трагедия показала, что самая маленькая частица материи – атом – может принести всему живому большие беды, – громко произнёс он. Площадь загудела. – Распространённые в результате аварии, случившейся всего лишь в одном блоке АЭС, радиоактивные изотопы нанесли большой вред здоровью миллионов людей и до сих пор ещё наносят. На ликвидацию аварии истрачены уже десятки миллиардов рублей. А на атомной станции, что строится на берегу нашей Камы, запланировано восемь блоков. Вы слышите, восемь!..

Народ на площади взволновался.

Ведущий митинга по очереди давал слово желающим выступить. Каждое выступление было горьким, аргументированным и горячим.

– Высота воды Нижнекамской ГЭС – 60 метров, а высота АЭС – 50 метров, – сказал работник Национального центра, врач Ильяс Ямаев. Значит, АЭС расположена на десять метров ниже. Если плотину прорвёт в результате, скажем, землетрясения или по другой причине, АЭС целиком останется под водой.

Народ снова загудел.

В этот момент к микрофону подбежал низенький мужчина средних лет, лысый и в очках:

– Товарищи, товарищи, позвольте и мне сказать пару слов, – обратился он к народу. Из толпы послышалось: «Давай, говори!», «Разрешите ему, пусть скажет!» Ведущий митинга Шагитов, обменявшись с мужчиной парой слов, не стал возражать.

– Я, товарищи, учитель физики и, как вы понимаете, имею представление об атомной энергетике. Я не против строительства атомных электростанций, я считаю, что они необходимы, потому что сейчас в мире лишь они дают самую дешёвую электроэнергию. Они наиболее безвредны и с экологической точки зрения...

Эти слова физика только подлили масла в огонь – народ стал шуметь, кричать: «Эй ты, физик, что ты несёшь? Посмотри на мир без очков!», «Эй, лысый, ты разве не слышал о чернобыльской аварии?», «Дома будешь жену учить!..»

– Подождите, товарищи! Я не за то, чтобы в Камских Полянах строили АЭС. Её место выбрали неверно – это правда. Но без АЭС тоже нельзя, потому что и газ, и нефть – это очень дорогие ископаемые, их запас сейчас невелик...

Учитель хотел сказать ещё что-то, но разгорячённый народ не дал ему продолжить:

– Иди, иди, не скрипи тут...

– Ты лучше иди к урокам готовься, а то дети неучами останутся...

– Довольно, дядя, иди уже...

После такого унижения физика не оставалось ничего, кроме как исчезнуть.

Настала очередь Газиза:

– Я – один из тех, кто строил саркофаг в четвёртом блоке, в котором случилась авария, – начал он, сильно волнуясь. Тысячи людей, собравшихся на митинг, мгновенно затихли. Перед огромным количеством народа стоял живой свидетель, принимавший участие в ликвидации последствий аварии, совершенно обычный человек. Что он скажет?

Газиз, который впервые в жизни выступал перед большим количеством людей, поначалу растерялся, весь вспотел, он никак не мог найти нужных слов. Потом понемногу стал успокаиваться, потому что люди слушали его, затаив дыхание. Газиз вспомнил и то, что видел своими глазами, и то, что рассказывал Емельянов: зажатые трубой работники станции, вой несчастных собак без задней половины тела, крики кошек, облезлая домашняя птица, высохшие цветущие яблони, обезумевшие пчёлы, дозиметристы-обманщики, падающие вертолёты... Всё это он, не торопясь, вспоминая по ходу, рассказал людям. И никто его не остановил, даже ведущий митинга, который тоже слушал, затаив дыхание.

– Нет ни конца, ни края последствиям чернобыльской катастрофы. Мы уехали уверенные в том, что закрыли скважину атомного реактора. Но гарантий никаких нет. Температура атома, оставшегося в реакторе, постоянно повышается, и в один прекрасный день он вытолкнет «щит» в тысячу тонн и снова вырвется наружу. В этом случае вообще трудно представить, какие масштабы может принять трагедия. Может, я ошибаюсь, но, будь моя воля, я бы нигде, никогда и никому не позволил строить атомные электростанции, потому что атом – в высшей степени опасное, непредсказуемое вещество. Атом – это источник бед, смерти, различных болезней, против которых нет лекарств, он заражает природу, воздух, воду, приносит бесчисленные несчастья, он может стать причиной прекращения жизни на земле. Лично я готов жизнь свою отдать за то, чтобы не строить это сооружение на берегу Камы...

Впервые за всё это время народ, собравшийся на митинг, бурно зааплодировал. Откуда-то послышались реплики: «Правильно говоришь!», «Тех, кто собрался без разрешения народа строить АЭС, отдать под суд!» Газиз вздохнул с облегчением.

Все, кто присутствовал на митинге, проголосовали за принятие резолюции против строительства атомной электростанции.

– Хорошо говорил! Самое лучшее, самое эффектное выступление – твоё, – сказал позже Джамалиев Газизу. Нет, это он не ради красного словца, потому что Анис нос по ветру не держит, он человек искренний. Шагитов, подойдя к Газизу, сказал: «Спасибо, братишка, говорил ты основательно, так, что до каждого дошло», – и пожал ему руку.

– Может, ещё выступишь? Митинги только начинаются. Потому как положение сложное, сам видишь, без «тяжёлой артиллерии» не обойтись. Такие парни, как ты, что прошли огонь, воду и медные трубы, в нашей работе необходимы. Подумай!

– А что тут думать? Если смогу принести пользу, я согласен, – ответил Газиз.

– Вот за это отдельное спасибо! Ну, раз так, ждём...

С этого момента началась новая для Газиза, по-настоящему суматошная, бурная, беспокойная жизнь...

* * *

Следуя поговорке «Куй железо, пока горячо», отделение Общественного центра приняло решение провести ещё несколько собраний и митингов, но московских чиновников и работников атомного ведомства голыми руками не возьмёшь. Они не придали значения ни письмам, ни телеграммам, ни просьбам республиканского руководства. Узнав о том, что народ против строительства АЭС по неутверждённому проекту на месте тектонической трещины, они стали беспокоиться не о том, как бы приостановить строительство, а, наоборот, о том, как бы его ускорить. Кажется, они намереваются поскорее достроить станцию и потом сказать: «Нет, товарищи, вы опоздали, станция достроена, теперь вы её разрушить не сможете, хотите вы того или нет, но работать она на вашей земле будет, а вам придётся успокоиться и замолчать». Но как же не подумать о том, что строительство АЭС – источник возможной трагедии для народов всего Поволжья. Что делать? Ждать у моря погоды бессмысленно, нужно продолжать борьбу.

Следующий митинг прошёл на другой большой площади города. Здесь тоже было много народу, и с самого начала до конца митинга он гудел, словно осиный рой. Между этими мероприятиями отделение Общественного центра успело организовать в городе комитет по оказанию сопротивления строительству АЭС. Его председателем был избран активист Общественного центра, городской депутат Гариф Карамов. Этот невысокий, крепкий, но подвижный, как юла, сорокапятилетний человек помимо национальных чувств обладал ещё глубоким умом и большой эрудицией. К тому же он был красноречив. Поэтому первым стал говорить именно он:

– Сегодня в Уфе открылось научное совещание с участием представителей двух автономных республик – Башкортостана и Татарстана, членов комитета по охране Волги, и вместе с тем начался марш протеста против строительства двух АЭС на земле двух республик, – начал он громким голосом. Эта новость взбудоражила народ, а Карамов продолжал:

– Дело зашло слишком далеко, поэтому в таких печальных обстоятельствах только крайние меры могут привести к положительным результатам...

В этот момент Газизов стоял недалеко от микрофона, вместе с Шагитовым и Джамалиевым. Ему и сегодня дадут слово.

– После Карамова выступишь ты. Потом ещё один «чернобылец», – сказал Анис.

– Кто он?

– Крещёный татарин Пётр Никитин. Он тоже был в Чернобыле. Вон он, может, вы знакомы?

Анис кивнул на стоящего неподалёку высокого, худощавого тридцатилетнего мужчину с тоненькими усиками. Он внимательно слушал выступающего.

– Нет, не знакомы, – ответил Газиз.

И тут ему дали слово. На этот раз Газиз поведал народу о судьбе таджиков, превратившихся в привидения. Об Асраре, у которого жена брата была татаркой, о том, в каком виде он с группой таджиков поднялся на четвёртый блок и как они спустились совершенно оголённые, с выпавшими волосами, ресницами, бровями и бородами, о том, как они уже не вернулись из больницы...

Затем к микрофону вышел Никитин. Он тоже, кажется, не привык выступать перед таким количеством людей, поэтому никак не мог собраться.

– В Чернобыле я работал на бетономешалке, – наконец сказал он тихо. Ему тут же крикнули из толпы: «Плохо слышно!»

– Он называется «миксер», – сказал Никитин уже громче. А нас называли «смертниками». Завод по производству бетона находился в пятнадцати километрах от АЭС, а пункт, в котором разливали готовую бетонную смесь из самосвалов в бетономешалки, – в восьми. Мы подъезжали к стене четвёртого блока, поднимались по эстакаде и выливали бетон из бетономешалок. Нас заставляли работать каждый день по восемь часов в течение двух месяцев. Мы уехали только после того, как залили реактор бетоном и смесью тяжёлых металлов. Но закрыть скважину реактора – это лишь полбеды. Вполне возможно, что наш щит взлетит на воздух и тогда катастрофа повторится, но она будет больше и трагичнее. Такая угроза существует, она беспокоит каждого, кто видел последствия аварии своими глазами, каждого, кто их ликвидировал. А раз так, нужно ли нашей республике, нашему народу такое опасное сооружение? Нет и ещё раз нет!

Неожиданно для всех выступление Никитина получилось основательным, эффективным и сильным. И самое главное, Никитин и Газиз в своём прошлом выступлении как один говорили о том, что щит может взлететь на воздух.

Митинг продолжался. Газиз подошёл к Никитину. Они познакомились.

– Мне говорили о тебе, – сказал Никитин. – Мы хотим собрать всех «чернобыльцев» города и района и организовать своё независимое общество. Нам нужно быть вместе, настало время требовать социальной защиты, потому что мы – бессовестно обманутые, материально, физически и духовно обворованные люди. И правительство, и местное руководство, и военные комитеты, которые звали нас в Чернобыль, обещали золотые горы. Нам должны были дать квартиры, машины, деньги и много чего ещё. А где всё это? Обещать народу наши чиновники горазды. «Родина в опасности, выручайте, ребята, она вас не забудет»... Люди потеряли там здоровье, а сейчас о них просто забыли. Я уже четыре года пытаюсь выпросить квартиру и все эти годы ничего, кроме обещаний, не видел...

Никитин был зол и обижен. И был прав. Всё, что он говорил, правда, горькая правда.

– Нам нельзя медлить, время идёт. Сколько наших ушло за эти четыре года. Мы провожали их в последний путь нагружёнными обещаниями...

Газиз понял, куда уходили ребята.

Они решили ещё раз встретиться и поговорить о создании независимого общества.

Не откладывая дело в долгий ящик, отделение Общественного центра начало сбор подписей населения против строительства атомной станции. И сам Шагитов, и члены отделения, и активисты – все отправились в народ. В стороне не остались и Анис с Газизом.

За короткое время по городу и району они собрали подписи тысяч людей. Официально оформили их, учли все требования и отправили на имя Президента СССР и Председателя Совета Министров.

Параллельно продолжались митинги, собрания, научные конференции. Руководитель Общественного центра Хайдар Шагитов, его ближайшие соратники – Анис Джамалиев, Гариф Карамов, Газиз Султанов и другие – в эти дни работали не покладая рук, несмотря на то, что порой и в их сердца закрадывалось сомнение.

* * *

Наиболее сильной акцией против строительства атомной электростанции был, наверное, митинг, проведённый на территории стройки. Самая смелая молодёжь региона из автобусов высадились на берегу Камы с плакатами, транспарантами, телекамерами, фотоаппаратами. К сожалению, Газиз не смог поехать, хоть и должен был там выступить. Незадолго до этого он заболел и впервые в жизни стал пациентом больницы. На обследовании врачи определили, что у него воспалены печень, одна почка, пищевод и желудок. Сердцебиение оставляло желать лучшего, было повышенное давление и затруднено дыхание. Кроме всего прочего, ноги стало сводить судорогой. Всё это, конечно же, результат сильнейшего облучения, полученного в Чернобыле.

– Ну, парень, сильную акцию мы провели, – окрылённый вошёл к нему Джамалиев. – Руководство строительства сбежало, на митинг не вышло. Но мы свою задачу выполнили на все сто процентов. Были сильные ораторы, к тому же выступили и сами строители. Мы с ними пообщались, объяснили им ситуацию. Они и сами всё понимают, поддерживают нас и наши методы работы. Митинг мы сняли на камеру. Скорее выздоравливай, вместе посмотрим...

Но Газиз никак не поправлялся, всё лежал и лежал. Однажды Анис, захватив гостинцы, снова пришёл. Он с гордостью сказал:

– Мы побеждаем, парень, побеждаем!..

– Что случилось? Говори скорее!

– Совет Министров республики принял решение об остановке строительства объектов АЭС...

– Да ты что!.. Вот за это спасибо!

Два единомышленника, которых переполняла радость, обнялись и похлопали друг друга по спине. Успокоившись, Газиз задумчиво произнёс:

– Наконец-то руководство республики услышало требования народа и начало защищать его права. Значит, лёд тронулся...

– Точно говоришь, лёд тронулся. Но прекращать борьбу ещё рано. Хотели строить атомную станцию на татарской земле... Если уж так необходима вам эта станция, стройте на своей земле! А мы борьбу не прекратим. На дорогой нам Каме сооружению не бывать – так и знайте, господа! – разъярённо произнёс Анис, погрозив кулаком каким-то невидимым силам.

Они долго сидели, делились своими радостями. Газиз, огорчённый тем, что так не вовремя лёг в больницу, сказал:

– Сижу тут, как на цепи. Выйти бы, работать с вами. Самая горячая пора.

– Болезнь, Газиз, время не выбирает. Ты уж пока окончательно не выздоровеешь, не выписывайся. Успеем, и стройку остановим, и остальное успеем. Вся жизнь впереди, – пытался он успокоить Газиза.

– Хорошо бы, вот только... Моя болезнь, Анис, неизлечима. А жить очень хочется... Радиация начала делать своё дело – я думаю так. Я даже знаю, к чему всё это приведёт. Но что бы ни ждало меня в будущем, я рад, что был среди вас и участвовал в акциях против строительства в нашей республике крайне опасного сооружения, очень доволен, это дорогого стоит...

– И правильно делаешь, Газиз. Я и сам очень рад. Мы делаем великое дело, – вставил Анис. – Я, кажется, перебил тебя...

– Да, к сожалению, я мало сделал... Вот, болезнь... Не знаю, смогу ли в будущем быть с вами, но, думаю, наша борьба не пройдёт даром. Увидеть бы результат. Тогда и умереть не жалко. Атом не нужен ни нашей, ни какой-либо другой земле. Я говорю это как человек, который своими глазами видел, на своей шкуре испытал губительную силу атома.

Через несколько дней Анис снова появился. На этот раз пришёл не один, он привёл с собой Петра Никитина. Тот рассказал о своих новостях. Оказывается, они всё-таки создали независимое общество чернобыльцев. Всего собралось около двухсот пятидесяти человек.

– Столько человек на небольшой город и район... А сколько же их по всей стране? – удивлённо произнёс Анис.

– Наверное, очень много. И ведь они не простые люди. В том числе и Газиз, и я, – сказал Никитин. – Каждый вернулся с тяжёлым грузом, с большими проблемами. Если бы не так, разве лежал бы Газиз здесь?

После этих слов все трое задумались. Тишину нарушил Никитин:

– Сколько нас, мы определили, фонд чернобыльцев создали. По-другому никак. Ни партия, ни правительство не спешат думать о нас. Остаётся полагаться только на себя. Мы встречаемся с руководителями крупных предприятий и организаций, обсуждаем, просим о помощи. Наша первоочередная цель – ежегодно отправлять каждого чернобыльца на курорт, – сказал он и, достав из кармана путёвку, протянул Газизу. – Вот, первую нашу путёвку принесли тебе.

– Спасибо, Пётр! А ты дельный парень, я и не думал, – сказал Газиз и обнял Никитина.

– Спасибо не мне, а Анису. Это он выхлопотал.

– Эх, хорошо жить на свете, когда есть друзья, – радостно произнёс Газиз, обнимая Аниса. Он был так счастлив, что ему хотелось плакать, но всё же взял себя в руки.

Вот по этой путёвке и приехал Газиз на курорт.

* * *

Несмотря на то, что объявление было вывешено, в тот вечер танцев в санатории не было. Человек, ответственный за музыку, отправился в деревню к больной матери, и сказали, что вернётся только через несколько дней. Отдыхающие, которым очень хотелось танцевать, вынуждены были смотреть в комнатах телевизор.

Габдельфат привёз в санаторий чайник «Тефаль». Как только появляется свободное время, он тут же набирает в него воды и нажимает на кнопку. Не проходит и двух минут, как вода с шумом вскипает. Как любой деревенский житель, Габдельфат без чая не может. Он пьёт очень крепкий чай. Газиз тоже пьёт крепкий. У Габдельфата всегда на столе мёд, варенье, разные сладости. Вот и сегодня полный стол угощений и чайник вскипел быстро. Наливая себе и Газизу чай, он робко произнёс:

– Я говорю, дружище, может, угостимся? Уж сколько вместе живём, а ни разу в честь этого не выпили...

Удивительно устроен мир: столько дней живут вместе с совершенно незнакомым человеком. Безусловно, ничего общего. Но между людьми могут установиться разные отношения. У Газиза с Габдельфатом сложились какие-то особенные, неожиданно тёплые, заботливые. В основном Габдельфат беспокоился о больном соседе, и это совсем не тяготило его, он делал это с большим желанием, с удовольствием. Габдельфат, наверное, самая ранняя пташка во всём санатории. Умывшись, он первым делом спускается за минеральной водой и пьёт воду такой температуры, какую душа желает. В красиво украшенной комнате в виде грота бьют разные минеральные «ключи». Там есть и прохладная вода, и потеплее, и даже горячая. Габдельфат и Газизу приносит воду. Он может приготовить Газизу горячий чай – ему совсем несложно. А если соседу нехорошо, то сам бежит за дежурной медсестрой.

Однажды Газиза стало сводить судорогой. Габдельфат такого ещё не видел. Сосед весь посинел, сам дёргается, дрожит, стонет. Габдельфат пулей полетел на второй этаж: «Соседу плохо...»

А у медсестёр свои дела:

– Пусть сам спустится...

– Какой спустится, скорее, девушки...

– А что с ним?

– Чернобыль! Понимаете? У вас в санатории только один человек, переживший чернобыльскую трагедию...

Медсёстры сразу прибежали. Не прошло и минуты, как они уже суетились вокруг Газиза: сделали сильные уколы, напоили лекарством, растёрли тело, наложили тёплый компресс, посоветовали что-то.

Вот такой он, Габдельфат – широкой души человек, открытый, щедрый. Как же не уважить просьбу такого великодушного человека. И Газиз не был против его предложения, потому что ему и самому надо было немного успокоить ноющую душу.

– Давай, Габдельфат, пропадать так пропадать, наливай, – сказал он, грустно улыбнувшись. – Только немного. Я никогда с ней не дружил. В Чернобыль её много привозили. Санитарные врачи и сами пили, и других уговаривали: «Единственное средство против радиации – спирт. Если не хотите раньше времени сойти в могилу, пейте сколько сможете».

Россия и так не может выбраться из пьяного болота. Людей, которые были там, где случилась беда, где испытали атомную бомбу, поят водкой. С одной стороны, борются с пьянством, с другой – сами же насильно заставляют пить. Вот такие противоречия. Только знаешь, Габдельфат, когда я вернулся, один знакомый врач говорил совсем другое о спирте и водке. «Всё это сказки. Алкоголь разрушает нервную систему, а она – основа здоровья человека». Значит, тот, кто советует: «Против радиации пейте водку», – самый настоящий враг. Получается, он думает: «Поскорей бы эти несчастные погибли в пьяном угаре». Так что нет ничего лучше, чем быть здоровым!.. После Чернобыля у меня стало сильно повышаться давление, да и сердце не в порядке. Если бы я ко всему прочему ещё и пил, меня бы уже давно не было на свете...

– Спасибо за эти слова, Газиз. Я тоже равнодушен к водке. Просто грустно на душе. Вот уехал и скучаю: по деревне, по семье, по своей половинке. Как сказал Тукай, «...тревожно мне, сердце в огне, я в печали, я в раздумьях...» Хорошо хоть товарищ есть. Это я про тебя...

– Тоже мне товарищ...

– Нет, Газиз, ты для меня большой товарищ, удивительный товарищ. Душа твоя полна печали. Я ведь и не знаю, что такое болезнь. Поехал только потому, что наш председатель путёвку дал и сказал: «Ты ни разу не отдыхал, съезди-ка, проветришься». Хлеб в этом году уродился на славу, так что душа моя спокойна.

– Хлеб – радость хлебороба. Ты, Габдельфат, похоже, хороший агроном.

Габдельфат сконфузился. Он никогда не хвастался. Работа есть работа. В деревне ей конца-края нет, хоть умирай, всё равно останется. А вот со словом «хороший» он согласен. Габдельфат серьёзно подходит к работе и всегда доводит начатое дело до конца. Но ведь сейчас речь не о нём.

– Давай-ка, Газиз, о тебе поговорим. Скажу как есть, если бы тебя ко мне не поселили, я бы давно уже уехал отсюда. Мне здесь нечего делать, тем более что на здоровье я не жалею. Вот только ты... Как только я тебя увидел, сразу подумал: «Подожди, Габдельфат, не спеши домой, может, ты понадобишься этому человеку».

– Спасибо тебе, Габдельфат, от всей души! Давай за это...

Закусив, Габдельфат встал и вытащил из холодильника свёрток. Развернув его, он нарезал деликатес – домашнюю колбасу.

– Я всё забываю. Гостинец моей старушки. Давай Газиз, пробуй. Моя Сембель сама её готовит.

Газизу очень понравилась колбаса, приготовленная из жирной конины с чесноком, чёрным перцем и другими пряностями.

– Ум отъешь, – похвалил он. – Видно, жена у тебя очень умелая хозяйка. Ты только и говоришь «моя Сембель, моя старушка».

– И-и, и не говори, Газиз. Моя Сембель – мировая женщина! Правда, говорят, что умный хвалит свою лошадь, глупый – себя, а дурак – свою жену. Но я не боюсь хвалить жену. Она этого достойна.

– А она откуда?

– Мы родились в одной деревне, на одной улице выросли, сидели за одной партией. Я берёг её, словно знал, что для себя. После десятого класса она никуда не поехала, а пошла работать в детский сад. Всю жизнь воспитывала детей – и деревенских, и наших. Щедрая, великодушная, заботливая. Потому, наверное, вся деревня её любит и уважает.

А знал бы ты, как я её люблю... Когда я учился в Казанском сельскохозяйственном институте, мы так скучали друг по другу. У нас до сих пор хранятся любовные письма. Там такой материал, что книгу написать можно.

Вот летит белая бабочка,
Пусть наше счастье будет полным.
Пусть будет суждено нам
Пройти с тобой по жизненным дорогам...

Вот такие стихи, песни писала в письмах моя Сембель. Мы прошли по жизни вместе двадцать семь лет... Трое наших детей выросли, внуков становится всё больше. Это такое счастье, когда они с криками «бабай», «эби» бегут в наши объятия...

Мы были друг другу родными людьми. Ни разу не было такого, чтобы мы обиделись друг на друга. Часто моя Сембель повторяет: «Когда я полюбила тебя, то никто не мог даже прикоснуться ко мне, даже слова сказать».

– Вашей жизнью только восхищаться. Дай бог, вам, Габдельфат, счастья, живите долго!..

Вот так они сидели, тепло беседуя, пили за «дружбу», как принято, и тут в дверь постучали. Это была Айсылу. Газиз удивился: он ей не говорил, в какой комнате живёт.

– Эх, Газиз абый, и сегодня не смогла потанцевать. Не знаю, куда себя деть. И вас не видно, еле нашла вашу комнату. Вы уж простите, – произнесла она сконфуженно.

– Иди, сестрёнка, проходи, садись, вместе почаёвничаем. Ты очень вовремя...

Габдельфат силком посадил её за стол и приготовил чай.

– Спасибо, Габдельфат абый. И Газизу абый я бесконечно благодарна, – продолжала Айсылу. – Только, пожалуйста, не подумайте обо мне плохо, мол, пристала как банный лист. Я ведь живу одна, душа не на месте, с людьми общаюсь только на работе, в официальной обстановке. А здесь мне хочется облегчить душу, наговориться досыта.

– Их бы ещё найти, таких собеседников, – вставил Габдельфат.

– В этом вся беда. В наше время нелегко найти того, кто смог бы тебя выслушать. Но, на моё счастье, Габдельфат абый, я нашла такого человека. Вот он, сидит рядом с вами и скромно улыбается, – сказала Айсылу и, взяв тёплой рукой Газиза за руку, прильнула к нему.

– Видишь теперь, Газиз, ты нужен не только мне, но и другим. Нужен, значит, живёшь. Мы ещё поживём! На будущее лето жду вас в гости, когда поспеет свежий мёд. Наши арские края красивые, романтичные. Стоит ли говорить – родина Тукая! А ты пей свой чай, сестрёнка, угощайся! «Самовар» кипит, за столом шумно. А может, тебе немного вина? У нас и вино есть, – направился Габдельфат к холодильнику.

– Нет, нет, Габдельфат абый, я не пью.

– Вот за это, сестрёнка, спасибо! Я таких женщин искренне уважаю. Моя Сембель тоже такая, даже не знает, как оно пахнет... Да, вы приезжайте, Газиз, к нам. Послушаем пение птиц на пасеке, наговоримся вдоволь, песни споём. Айсылу, а ты знаешь, как поёт Газиз?

– Впервые слышу, но ничего удивительного, – ответила Айсылу.

Зато слова Габдельфата удивили Газиза:

– Что, я разве пел в комнате? – уставился он на соседа.

– Нет, не пел. Но несколько раз что-то напевал вполголоса. И я понял, что ты хорошо поёшь. Я сам петь не мастер, вою, как волк на луну, но преклоняюсь перед теми, кто поёт. Спой-ка, дружище. Прошу от всего сердца...

Безусловно, спеть Газизу ничего не стоит. Может, оттого, что вырос в поющей семье, он и сам всегда любил песню и пел. Ну, вот как сейчас ни с того ни с сего запоёшь? В последнее время и голос уже не тот, и дышать тяжело. Но всё же... Когда ещё доведётся попеть?

Айсылу поддержала Газиза:

– Газиз абый, в такой хороший вечер и спеть не грех. Начинайте, а я подпою.

– Ну, хорошо, попробуем. Только без обид, песен плохих не бывает, – сказал Газиз и не спеша, вполголоса затянул:

Не будет сизым,
Уж не будет сизым,
Словно голубя птенец,
Расставанье с вами
Весёлым, увы, не будет...

Айсылу и Габдельфат, которые тоже собирались подпеть, сидели притихшие и поражённые. Песня сильно на них подействовала. Вроде бы простая, но в то же время какая-то особенная, печальная, гармоничная. Эту песню, кажется, ни народ не поёт, ни артисты. Но мелодия знакомая, очень знакомая. То ли в спектакле каком-то её поют? Лёгкая, грустная песня, которая очаровывает. А самое главное то, что Газиз, как настоящий певец, поёт её Богом дарованным голосом, просто, не прилагая особых усилий. Говорят, не та песня, что голосом поётся, а та, что сердцем. Песня Газиза шла от души.

Расставанье с вами
Весёлым, увы, не будет...

Души двух слушателей всколыхнулись. Оба они прекрасно поняли, какое расставание имел в виду певец.

Газиз, как ни в чем не бывало, продолжал петь.

Под мостом синий туман,
Долго я не проживу в этих краях,
Проживу ни много ни мало,
Будете скучать, а меня уж не будет...

Последние строчки песни ранили ноющую душу Айсылу, которая еле сдерживала себя. А Габдельфат от всей души произнёс:

– Говорил же, что хорошо поёт. Спасибо, дружище Газиз, большое тебе спасибо, на душе светлее стало. Живи долго, – и похлопал по-дружески Газиза по плечу.

Вот так за песнями, разговорами, чаем и угощением они посидели ещё немного.

* * *

Айсылу получила огромное удовольствие от этого вечера, от общения с двумя серьёзными, мудрыми, много повидавшими мужчинами. Особенно сильное впечатление произвёл на неё Газиз. Чем больше она с ним общалась, тем больше хороших качеств в нём открывала: простой, внимательный, обаятельный, но в то же время человек с исключительной судьбой. Талантливый человек талантлив во всём! Начнёт говорить – заслушаешься, запоёт – душу тебе всю перевернёт, а танцует как! Сам архитектор – чертит проекты великолепных дворцов, красивых домов.

Да, удивительный человек. И самое поразительное то, что этому человеку не довелось испытать настоящего счастья. Айсылу оно тоже не улыбнулось. Может, потому, что она не боролась изо всех сил? Хотя Газиз-то боролся. И сегодня борется. За жизнь борется! Он говорит, что жизнь – сама по себе счастье. С таким человеком и жизнь связать не страшно. Вот только... Разве ей предложение делали?

Эх, этот мир не поймёшь! Тот, кто тебе нужен, бродит неведомо где, а кто не нужен, сам тебя находит. Если бы ты была повнимательнее, давно бы нашла такого, как Газиз, простого, душевного человека, Айсылу ханым*, нет, Айсылу туташ**! Боже мой, кто же она на самом деле?..

...После окончания медицинского училища Айсылу направили фельдшером в небольшую деревушку на берегу Камы.

Девушка спокойно устроилась и не спеша стала применять полученные в училище знания. Самое главное – она была очень внимательна к больным. Возможно, поэтому деревенские жители полюбили её, приняли как свою.

Однажды в колхоз приехал новый инженер. Это был парень, который только закончил институт и вернулся в родную деревню. Высокий, широкоплечий, казалось, замечательный парень! Он несколько раз приходил в медпункт по делу, но почему-то им сложно было общаться. Потому Айсылу недолюбливала парня. Ей казалось, что тот высокомерен. Но, оказывается, его обращение в медпункт было не случайно. Однажды он позвал её на концерт – сказал, что из Казани приехали артисты. А Айсылу не пошла. Парень, видимо, чтобы добиться своего, стал чаще бывать в медпункте. А в один прекрасный день он отправил к ней родителей свататься. Нельзя сказать, что девушка не думала, она много думала об этом и согласилась не сразу. Ей нравился не столько парень, сколько его родители. Взрослые люди, забыв о гордости, не раз заходили к девушке. «Мы тебя очень любим, будь нашей невесткой, станем вместе дружно жить», – говорили они. А что ей было делать, деревня небольшая, выбор невелик, время идёт, так можно и в девках остаться...

Свадьба удалась на славу. Но брачная ночь не состоялась.

– Ты прости меня, Айсылу, – сказал ей жених. – Я не счёл нужным сказать тебе об этом заранее. Так как в нашем институте нет военной кафедры, меня забирают на год в армию, будут готовить офицера запаса. Год – это немного, пролетит – не заметишь. И ты будешь скучать, и я успею соскучиться. А сейчас у нас ничего не будет.

– Как? А, может, я забеременею и к твоему возвращению уже рожу?

– Нет, я не согласен. Я боюсь...

– Чего?

– Что ты мне изменишь.

– Живя с твоими родителями, родными?

– Всё равно.

Айсылу расстроилась, она почувствовала себя униженной. Выйти замуж и жить в таком положении. По большому счёту она ведь и не хотела выходить за него. Что-то ей не нравилось, не казался он надёжным человеком. Айсылу ошиблась. Ну что теперь делать? Собрать вещи и уйти? И ведь посоветоваться не с кем. Если уйдёт, что скажут ей мать и сестра: чем ты раньше думала? Или потерпеть?

Так называемый «муж» ушёл в армию, но Айсылу плакать не стала. Она потеряла надежду, чувства её остыли.

Из армии приходили письма. Сначала они были частые и тёплые. Потом стали приходиться реже. Она думала, что скоро он вернётся домой, поэтому и пишет редко. Упрекнуть Айсылу было не в чем. В маленькой деревне все на виду. После работы она суетится по хозяйству. Свёкор со свекровью довольны невесткой, называют её «дочкой». Но ни к кому здесь у неё душа не лежит, ни к кому нет доверия. Видно, её жизнь здесь не сложится... Душа Айсылу что-то чувствовала. И она не ошиблась. Человек, который писал: «Скоро вернусь», всё не ехал.

Однажды к ней в медпункт пришла золовка и дала почитать письмо. В нём солдат писал, что в деревню не вернётся, что остаётся в армии офицером и что женился там на другой. В этот же день Айсылу уехала в родную деревню. Потом поступила в медицинский институт...

Вот о нём она и сказала Газизу: «С одним попыталась пожить, но не сошлись характерами».

Поженились без любви, расстались без сожаления...

* * *

Утром Газиз проснулся от страшного сна. Его Сармадия в белоснежной одежде стоит за какой-то оградой или срубом, машет ему рукой и говорит: «Иди скорее, что ты так долго?» Газиза словно холодной водой окатили, он мгновенно проснулся. Сердце бешено колотилось, сам весь вспотел, дышать было нечем, голова трещала. Газиз, который никогда не верил ни снам, ни приметам, поразился этому сну и впервые в жизни расшифровал себе его как плохое предзнаменование. Ах, проклятье... Что же это такое?..

Габдельфат ещё сладко спал младенческим сном. Что тут скажешь, здоровый человек! Совсем растерянный Газиз налил себе из пластиковой бутылки минеральной воды в надежде успокоить сердце. О том, чтобы снова уснуть, не могло быть и речи, сон как рукой сняло. Поправив сплюснутые с одной стороны маленькие подушки, он снова попытался лечь. И тут же им завладели бесконечные думы.

В последнее время он часто видел Сармадию во сне. Наверное, потому, что много думал о ней. Если бы не думал, не снилась бы. А как не думать? Поживи-ка тридцать лет вместе...

«Ах, Сармадия, Сармадия... Бездарно мы прожили отведённое нам время. Какая-то неправильная была у нас жизнь: ты мной так и не заинтересовалась, а я не смог тебя до конца понять. Поженились, жили вместе, но стать всем друг для друга так и не смогли. Осталось лишь сожалеть...»

В последние месяцы жизни Сармадия стала задумчивой. Однажды, вернувшись с работы, Газиз увидел жену плачущей. Она сидела, обняв руками колени, и тихо плакала. Газиз подумал, что как обычно, на пьяную голову, но Сармадия была абсолютно трезвой.

– Чего мокроту развела, что случилось? – мягко спросил Газиз и сел рядом.

– Я видела сон, очень страшный...

– Ну, расскажи...

– Умру я... – сказала Сармадия и снова расплакалась.

– Не говори глупостей! В последнее время ты перебарщиваешь, а это бьёт по психике. Это уже не в первый раз...

– Нет, на душе беспокойно. Пустота какая-то, безнадежность... Если сон вещий, то мне осталось немного. А потом... Ты, кажется, тоже после меня долго не проживёшь...

Этот разговор тяжёлым бременем лёг на сердце Газиза. Не смогли они жить дружно, в любви, во взаимопонимании, уважая друг друга, не нашли общий язык. Но как бы там ни было, он не желал ей смерти. Он думал, что, если с ним что-нибудь случится, Сармадия, наконец, опомнится и поддержит их единственную дочь. Неужели семнадцатилетняя девушка, которая ещё совсем не знает жизни, останется без отца и матери? Круглой сиротой...

Неожиданно он вспомнил песню, которая удивительно точно описывала его действительность:

Жизнь, смерть – одна дорога,
Почему же нет других путей?
Вернулся бы назад,
Какая из тропинок к юности ведёт?..

В минуты одиночества и раздумий Газиз напевает эту песню и на душе становится легче. Эх, вернуться бы в юность, начать всё заново, чтобы не повторять ошибок. Нет, теперь это невозможно. Если бы Бог дал ещё немного времени, он бы прожил эти годы по-другому, плодотворно, осмысленно, во взаимопонимании с близкими...

* * *

К сожалению, сон Сармадии был в руку. В один из тёплых, солнечных сентябрьских дней поутру Газиз уехал на дачу на окраине города. Это был выходной день. Сармадия ещё не вставала. Вечером она сказала: «Сердце шалит», – выпила лекарство и легла. Утром он снова напоил её лекарством. Газиз обещал скоро вернуться, но уж если попадётся на дачу, работу быстро не закончишь. День клонился к вечеру. И тут в его душу закралось опасение: «Почему я до сих пор здесь, жена там болеет», и он поспешил домой. Чтобы сделать жене приятное, Газиз нарвал целую охапку астр, гладиолусов, благоухающих флоксов.

Полчаса в автобусе показались Газизу вечностью. Чем ближе подходил он к дому, тем больше он чувствовал неладное.

Открыв дверь, Газиз крикнул:

– Сармадия, Сармадия, я вернулся.

Но никто не ответил. Газиз быстро прошёл в спальню. Сармадия в лёгком халате сидела на полу, на прикроватном коврикe, голова её лежала на подушке на краю кровати. Как-то неудобно лежала. И одна рука тоже на подушке... Спит или задумалась? Газиз прикоснулся к ней... Но она была уже холодной...

Привезённая с дачи охапка цветов была его последним подарком.

* * *

В то время как Газиз терпеливо ждал своей очереди на минеральные ванны, к нему подседа молодая женщина, с которой он танцевал вальс. В последний вечер она была в голубом лёгком платье, а сегодня в новеньком бело-зелёном спортивном костюме – и не узнать.

– Здравствуйте, абый. Как ваши дела?

– А, сестрёнка, неплохо. Ты тоже на ванны?

– Да. Вот немного опоздала, времени совсем нет. Познакомилась тут с одним...

– С парнем?

– Да здесь все «парни». Вы вот тоже «парень». И вальс удивительно красиво танцуете. Первый парень! Вы ведь в тот раз не позвали меня после танцев к себе. Если бы позвали, свободное время проводили бы вместе. А теперь и вальс станцевать больше не получится, мой ревнует, говорит: «Смотри у меня, никаких танцев с тем кавалером!»

– Ничего себе.

– В том году я встречалась с одним в санатории «Казанский», ни грамма не ревновал. Я ещё и со вторым успела познакомиться...

– А муж не ревнует?

– Да он лопух. Ни ревновать не умеет, ни любить, ни ласкать. И потом, кто ж ему расскажет? Повода не даём...

– И дома у тебя тоже есть «парни»?

– А что? Е-есть. Сейчас у какой женщины нет любовника? Как говорится, жизнь даётся один раз.

– Значит, собираешь «коллекцию»?

– Ну так, собирается, – захихикала она.

– А разве это правильно? Ведь в жизни ещё есть такие понятия, как нравственность, совесть, правила приличия, – вздохнув, сказал Газиз.

– И, абый, старые песни поёшь. А ты слышал такой анекдот? На курорте познакомились мужчина и женщина. В первый вечер они сидели, общались, во второй – мужчина взял женщину за руку, в третий – положил руку ей на талию. И тут женщина не выдержала: «Ты что, думаешь, я на курорт на год приехала?» Я тоже приехала на курорт всего на три недели. Двух жизней никому не дано. Ты, наверное, видел рекламу: «Бери от жизни всё». Я тоже живу по этому принципу.

В этот момент медсестра стала по фамилии вызывать отдыхающих. Очередь Газиза ещё не подошла. Он задумался. После разговора с этой потерявшей совесть молодой женщиной у Газиза испортилось настроение, стало беспокойно на душе. Её можно было бы хоть как-то оправдать, если бы всю жизнь, живя без любви, она впервые по-настоящему полюбила и единственный раз в жизни изменила мужу. И муж, говорит, лопух, если вообще можно ей верить. Может, и неправда. Такие женщины – мастерицы находить себе оправдание.

Газиз даже стал сожалеть о том, что танцевал в тот вечер вальс с этой беспардонной женщиной. Но откуда он мог знать, что она такая? На лбу ни у кого не написано...

* * *

«Её можно было бы хоть как-то оправдать, если бы всю жизнь, живя без любви, она впервые по-настоящему полюбила и единственный раз в жизни изменила мужу», – кажется, таким образом, Газиз хотел оправдать себя. Ведь, говорят же, сердцу не прикажешь. Ну, а если грех... Да кто в этом мире безгрешен, лишь дети.

...Однажды в их отдел архитектуры взяли новую чертёжницу. Тогда Газиз уже жил один. Это была красивая, как кукла, худенькая, неутомимая молодая женщина. Окончив в соседнем городе педагогико-художественный техникум, она несколько лет преподавала в школе рисование и черчение, вышла замуж и родила ребёнка. Женщина пришла в простом ситцевом платье и дешёвых туфлях. У неё были пушистые, непослушные чёрные волосы, синие, словно полевые цветы, глаза. Несмотря на то, что она не пользовалась косметикой, всё равно была очаровательной и милой. Поэтому, оказавшись среди десятка красавиц с накрашенными глазами, с толстым слоем дорогой иностранной пудры на лице, она засверкала, как яркая звёздочка, стала согревать всех, словно солнце, заставила грустить, словно месяц. Женщина разменяла четвёртый десяток, но очень молодо выглядела. Взгляды всех озорных мужчин, которые появлялись в отделе, падали только на неё, вот только она ни на кого не обращала внимания, склонив голову над ватманом, старательно чертила – ей очень хотелось показать себя с лучшей стороны.

Газиз не был равнодушен к обаятельным женщинам, но новую сотрудницу – Нурсибу – в первые дни он не заметил. Для него это были горестные, печальные дни, кроме того, на него тогда как раз возложили обязанности руководителя отдела.

Однажды ему занесли чертежи нового проекта. Газиз просмотрел и нашёл немало неточностей.

– Кто чертил?

– Новая чертёжница, – ответили ему.

– Позовите-ка её.

В комнату вошла молодая, круглолицая женщина, её большие голубые глаза были как будто чему-то удивлены.

– Почему проект начерчен плохо?

Женщина не ответила, только захлопала своими красивыми глазами.

– Ты чертила? Вот, посмотри...

Чтобы посмотреть чертёж, женщина подошла к столу Газиза и кивнула головой. Её всю трясло. Увидев это, Газиз тут же смягчился:

– Исправь. Когда закончишь, снова покажешь...

Работу Нурсиба закончила только к вечеру и так же безмолвно занесла чертежи Газизу. Заведующий отделом указал ей на стул, но она не захотела сесть и продолжала стоять.

– Садись, милая, садись! В ногах, говорят, правды нет...

Женщина робко присела на краешек стула. Газиз снова проверил чертежи: «Это хорошо, так, всё правильно...»

– Вот ведь, справилась. Значит, можешь хорошо работать. Утром ты, похоже, чего-то испугалась?

Женщина и на этот раз лишь кивнула головой.

– Я требователен, но если будешь вот так же аккуратно работать, претензий у меня к тебе не будет. Договорились?

Она снова кивнула и, не сказав ни слова, вышла.

Это был первый день знакомства Нурсибы и Газиза. В этот же день женщины отдела успели посплетничать о своём руководителе. Будто бы он когда-то встречался с Зульфией. Она тоже работала здесь, но сегодня уехала на стройку и женщинам предоставилась прекрасная возможность перемыть ей косточки. Несмотря на то, что Зульфия была всего на несколько лет старше Нурсибы, новую чертёжницу крайне удивило то, что она «путалась» с руководителем. Она сама не заметила, как спросила:

– С этим стариком?

В душе Нурсиба до конца не могла в это поверить. Если бы действительно было так, было бы заметно, а между ними ничего такого не чувствовалось. Нет дыма без огня, значит, огня не было. Кажется, это просто сплетни из злости или ревности.

Но в жизни случается такое, что тебе даже в голову не может прийти.

Нурсиба очень скоро дала понять, что она прекрасная чертёжница. Свои проекты Газиз давал чертить только ей. Проекты начальника, который подходит к работе творчески, бывают интересны и увлекательны. Поэтому не только автор, но и чертёжница Нурсиба были удовлетворены своей работой. В душе она гордилась тем, что чертила проекты начальника, потому что они не были просты и безлики, это были работы высокого уровня. Иногда чертёжница находила пути усовершенствования проекта и делилась этим с Газизом, предлагая своё решение.

– Ты посмотри на неё! Дружок, да ты сама настоящий архитектор, – сказал однажды Газиз. Потом предложил попить с ним чай...

Это творческое единство их очень сблизило, сдружило. Нурсиба, которая поначалу косо смотрела на Газиза, потихоньку стала обнаруживать в нём положительные качества. Внимательный, человечный, терпеливый, к сотрудникам требователен, но относится к ним уважительно. Если он, вспыхив, поругает, то зла не держит, тут же скажет что-нибудь смешное, расскажет анекдот, рассмешит, поднимет настроение. Теперь не только опытные работники, но и Нурсиба стала заходить к начальнику без всякого стеснения, как к равному, как к товарищу. Если она не видела его несколько дней, сразу становилось заметно, что ей его не хватает: «Что это Газиз абый не показывается? Может, куда-то уехал? Наверное, работы много...»

Перемены в отношении к человеку иногда состоят из мелочей. И положительные, и отрицательные. Если кто-нибудь окажет тебе малейшее внимание, ты просто переполняешься чувством благодарности, и всё отражается на счастливом лице.

Однажды в сентябре их отправили в колхоз помочь собрать картошку. С утра было солнечно, тепло и сухо. Поэтому Нурсиба оделась легко. Когда они приехали на поле, с севера подул холодный ветер,

который пригнал тучи, и пошёл мелкий дождик. Нурсиба стала мёрзнуть. И тогда заведующий отделом снял с себя кожаную куртку и дал Нурсибе. Она пыталась отказаться:

– Я же её испачкаю.

– Надевай, надевай, замёрзнешь...

Газиз сам одел ей куртку и, пошутив: «Вот, стала начальником», – обнял маленькую Нурсибу. Это было совершенно неожиданно. Но ей стало так хорошо, она давно уже не испытывала такого удовольствия. И куртка его оказалась очень тёплой, Нурсиба целый день в ней проработала.

Утром Газиз занёс Нурсибе ещё один проект.

– Как дела? Сегодня ты ещё красивее. Ты как солнце...

Несколько тёплых слов – добрых, душевных, приятных. Нурсибе этого хватило. Она улыбнулась, показав свои белоснежные, словно жемчужины, ровные зубки, будто бы не чертёжница, а вправду само солнце.

День за днём внимание заведующего отделом к Нурсибе росло. Он по-настоящему стал увлекаться этой молодой красивой женщиной. Газиз использовал любой удобный момент, чтобы сказать ей комплимент, погладить волосы, похлопать по спине, улыбнуться.

Однажды в конце рабочего дня девушки праздновали чей-то день рождения. Но долго сидеть не стали, разошлись, потому что дома всех ждали семьи. Газиз остался один и размышлял над каким-то проектом. Постучали. Это оказалась Нурсиба.

– Ты, красавица, разве не ушла?

– Мне нужно было докончить чертёж. Думаю, дай до ухода заскочу к вам...

Этими словами Нурсиба очаровала его. Значит, «старый» Газиз абый для неё совсем не чужой, а свой, родной человек. Он взволнованно поднялся и, словно притянутый магнитом, устремился к Нурсибе. А она стоит, смотрит на него своими васильковыми глазами и как будто ждёт, чтобы он её крепко обнял, приласкал. Газиз чувствовал и желал того же. Он страстно заключил в свои горячие объятия худенькую, прекрасную Нурсибу и стал безумно целовать её волосы, лоб, глаза, лицо. Нурсиба мягкими руками обхватила его за шею. В этот момент женщина испытала странные, никогда до этого неведомые ощущения. Какая-то таинственная сила, исходившая от его пылающего тела, захватила её целиком, взбудоражила, от кончиков пальцев до макушки пробежали горячие, сладкие, волнительные мурашки. Это было редко встречающееся в природе явление – когда сталкиваются биополя, биотоки. Нурсиба поняла это много позже и, всегда восхищённо восклицая: «Вот тебе и старик!», погружалась в приятные воспоминания. Сколько лет жила она с мужем, а таких сладостных мгновений не испытывала. Может, потому, что вышла замуж не любя? Муж отбил её у своего друга, любимого ею парня, увёз и почти насильно женился на ней. Возможно, поэтому она жила с мужем, не испытывая никаких чувств, и мечтала когда-нибудь кого-нибудь полюбить. На её жизненном пути встретился заведующий отделом Газиз Султанов.

Через какое-то время Нурсиба вспомнила разговор женщин о связи Газиза и Зульфии. Тогда она удивилась: «С этим стариком?» А теперь сама любила «старика», он окончательно пленил её сердце, он ни днём, ни ночью не выходил у неё из головы, даже терзал её в снах. Ну, как же его не любить...

Странная штука жизнь...

Они не смогли долго встречаться. Нурсиба со своей семьёй переехала в другой город. То ли женщина опомнилась и взялась за ум, то ли Газиз решил не заходить так далеко – что между ними случилось, не известно. Только Газиза и сегодня преследуют бесконечные грустные мысли о ней, он про себя задаёт ей множество вопросов, разговаривает с ней, потом видит во сне. Когда тоскует по ней особенно сильно, поёт душевные песни:

Я не знал ни сном, ни духом:
Ты ушла, не попрощавшись.
Мне остались лишь твои следы
На тех тропинках, что топтала ты.

Куда исчезла, кто тебя унёс –
Ураганы? Или реки?
Там, где ходила ты – цветы,
Чтобы запомнил я тебя навеки?

* * *

Когда Газиз уже думал: «Всё, ушла, потерялась, больше не увидимся», они снова встретились. Такие встречи чуду подобны и случаются очень редко.

Главного архитектора соседнего городка отправили на заслуженный отдых. Всучив подарок, власти послали Газиза на торжественный прощальный вечер. В большом ресторане собралось около семидесяти человек, играла музыка. Мероприятие удалось на славу. Пламенные речи, дорогие подарки, песни и танцы, игры... Во время перерыва гости танцевали. Газиз, как обычно, не упустил это чудное мгновение – пригласил на танец симпатичную женщину. И тут же обомлел, увидев среди танцующих Нурсибу. Она его давно заметила и теперь наблюдала за ним. Встретившись взглядами, не в силах скрыть радость, они искренне улыбнулись друг другу.

После танго музыканты стали исполнять вальс. Нурсиба, не дожидаясь, пока кто-нибудь пригласит её, быстро подошла к Газизу. Она так соскучилась, ей так не хватало разговоров с ним:

– Танцую с кем попало... А мой, оказывается, рядом. Какой бы ни был, а мой, только мой! Всё моё – этот грустный взгляд, морщинистое лицо, обаятельная улыбка, тепло мягких рук. Я так скучала. По чудесному голосу, от которого на душе становится светлее и который ни с чьим не спутаешь, по душевным разговорам. Мне кажется, что иногда я их слышу. Или, может, схожу с ума. Ты ли это, я не ошиблась?!

Газиз рассмеялся и сказал:

– Да это я, твой Газиз абый Султанов.

– Был бы ты чуть-чуть моложе, я немного постарше, как жаль, что мы не встретились раньше? Какую счастливую жизнь мы могли бы прожить...

– Ты же сбежала, совсем не думая о том, чтобы быть вместе.

– Так надо было. Так надо! Не обижайся на меня. Я не выдержала мучений. Мучений тайной любви... Я не могла разрываться. Я ведь замужем! А муж – первый человек после Бога. У него есть права. Живёшь с ним, растишь его ребёнка, воспитываешь, а сама любишь другого... Нехорошо это, совсем нехорошо! Понимаешь?

– Понимаю, понимаю. Я же ничего не говорю. Да и не могу ничего сказать, права не имею...

– Как-то по-дурацки всё вышло. Я и не думала, что увлекусь тобой. Ты меня заморозил. Душа у тебя нараспашку, сердце доброе, а сам ласковый. Я полюбила тебя всем сердцем, всей душой, всем своим существом. И сегодня люблю. Только в моём положении это слишком сложно. Думаю, переживаю, каюсь, прошу Бога простить меня, а сама... Но теперь всё. Успокоилась. Если бы в молодости муж не увёл меня у любимого человека, если бы я всё-таки вышла замуж за того, за кого хотела, разве я пошла бы на этот шаг? Ты на меня не обижайся...

– Не обижаюсь. Я всё понимаю. Ну, твоё положение. Мне просто тяжелее стало. Плохо мне без тебя, я как растение без воды – вяну. Тяжко без тебя...

– Найди себе кого-нибудь достойного, дорогой, женись, может, и ты успокоишься. И... большое тебе спасибо! Спасибо за то, что подарил мне счастливые месяцы. Я никогда их не забуду...

Музыка в зале всё усиливалась. Она волнами распространялась по залу и вела танцующих то в одну сторону, то в другую, кружила их. Газиз, одетый в аккуратный костюм, и его прекрасная маленькая спутница с тонкой талией выделялись среди танцующих. Видимо, оттого, что соскучились друг по другу, в этот вечер они танцевали вальс с особым воодушевлением и вдохновением. Они даже случайно не задевали танцующих, с точностью опытных танцоров, безудержно кружились то в одну, то в другую сторону. Этим вечером в зале не было более искусной и красивой пары.

До самого конца праздника они старались быть вместе. Вдоволь натащивались, наговорились, грустно постояли, смотря друг другу в глаза.

Вечер, наконец, закончился:

– Провожу, – сказал Газиз.

– Нет, не надо, – попросила Нурсиба.

– До свидания! Береги здоровье! Если я буду знать, что ты здоров, это будет придавать мне сил...

Вернувшись в город, Газиз уныло плёлся домой, напевая давно знакомую песню:

Простилась и ушла,
А расставанье тяжело...
Повремени, мой друг, не торопись,
Я свет очей твоих
Укрою в сердце!

* * *

Курорт... Санаторий... Кто-то здесь лечится, кто-то просто отдыхает. Каждому – своё. Тому, у кого душа не на месте, везде неспокойно. Куда ни пойдёшь, от болезней не спрячешься, от беды не скроешься, от тяжёлых дум не убежишь. Не зря говорят, что не труд изнашивает человека, а горести.

Приняв весь перечень дневных процедур, Газиз поспешил на улицу, подышать воздухом в объятиях матушки-природы. В комнате ему сегодня было тесно и душно. И на душе беспокойно. А на реке, раскинувшейся, словно море, – свобода, ширь. Дует свежий, прохладный ветерок, напитанный запахом воды.

Посреди родной деревни Газиза под названием «Зирекле Чишмэ» течёт удивительный родник. Он очень древний. Деревенские старики рассказывают о нём легенды. Будто бы до того, как здесь поселились люди, на этом месте шумел дремучий тёмный лес, там водились медведи, волки, лисы, лоси, олени. Все они пили воду из этого родника. Но постепенно люди вырубали лес, расчистили землю под хлеб, построили вокруг родника дома, обустроились в этих краях.

У родниковой воды был слабый запах и вкус серы, что редко бывает. Может, это и делает её свежей и вкусной, и ты никак не можешь ею напиться. А аромат воды распространяется на всю округу.

Запах здешней воды напоминает деревенский родник. На этом просторе, на ароматном свежем ветру тяжёлые мысли, терзающие душу Газиза, развеиваются и ненадолго забываются...

В последнее время Газиз часто думает о смысле жизни. Он часто вспоминает прошлое. Говорят, юность живёт будущим, а старость прошлым. В молодости постоянно думаешь, беспокоишься о том, что ждёт тебя впереди. Повзрослев, чаще вспоминаешь детство, молодость, друзей, любимых, ищешь ответ на вопрос: а правильно ли я жил? Когда-то Газиз очень любил произведения русского писателя Бориса Горбатова. В его памяти запечатлелись беспокойные слова одного героя: «Двадцать два года – а для бессмертия ничего не сделано». А Газиз уже дожил ровно до пятидесяти лет. Сделал ли он что-нибудь для бессмертия? Полуголодное детство без отца, унижительное отрочество, юность, запомнившаяся тем, что он не мог гулять с девушками, потому что не было хорошей одежды... Первая любовь – Сармадия... Служба в армии... Архитектурный факультет... Проектный отдел... Чернобыль... Нурсиба... Какие противоречивые воспоминания! Но ни одно из них не даёт надежды на бессмертие. Даже Чернобыль. Напротив, Газиз, он только ускорил твою смерть.

Прогуливаясь в раздумьях у крыльца, Газиз услышал знакомый голос:

– Газиз абый!

Сзади, развевая по ветру непослушные волосы, быстро шагала Айсылу. Она изменилась в лице, глаза испуганные. Подошла вся запыхавшаяся и, не стесняясь отдыхающих, бросилась ему на грудь.

– Где ты ходишь?.. Я тебя потеряла...

Газиз стал привыкать к чувствительности и эмоциональности этой женщины. Но всё-таки он не понял, что именно она хотела этим сказать.

– Я здесь...

– А я видела такой страшный сон! Сегодня я очень устала после процедур, решила немного отдохнуть и уснула. Мне приснился ты. Будто бы вода, ты в лодке, а я на берегу. Я кричу тебе: «Ну, посади меня в лодку». Ты всё гребёшь и гребёшь, а лодка всё отдаляется. Течение уносит тебя куда-то... Проснулась. Сердце моё колотилось так, что я подумала, может, случилось что. Вскочила и побежала к вам. Габдельфат абый говорит: «Он ушёл подышать воздухом». Только после этого немного успокоилась...

– Хи-и, приснилось курице зерно, – улыбнулся Газиз. – Вон море, лодки, баржи, теплоходы, другие суда... Захочешь, прямо сейчас спустимся к воде, возьмём у кого-нибудь лодку и поплывём...

– Нет, нет! К воде согласна, а в воду – нет. Я боюсь. Не за себя, за тебя. Какой странный сон...

– Волков бояться – в лес не ходить.

– И в лес не пойду, и в реку не войду. Я и раньше туда не ходила. Не с кем было, но я не жалею об этом. Сейчас меня другое беспокоит.

– И что же это, Айсылу ханым? Расскажите, пожалуйста, если это не секрет, – попросил Газиз шутливым тоном. Айсылу уже стала привыкать к его шуткам. Шутит, значит в хорошем настроении.

– Я вот думаю взять над тобой шефство.

– Как это?

– Это будет очень хорошо. Ты – человек больной, а позаботиться о твоём здоровье некому. А я врач. Есть и другие аргументы.

– Какие?

– Я вижу ты, Газиз абый, человек основательный, надёжный, – сказала Айсылу, переходя с полушутливого тона на более серьёзный. – Ты мне по-настоящему нравишься. Нет, не просто нравишься. Я сейчас постоянно думаю только о тебе. Кажется, я полюбила тебя. Правда... Но знай: я не собираюсь вешаться тебе на шею. Я думаю, что нашла достойного человека. Если ошибаюсь, скажи!

Айсылу сжала его руку. Газиз задумался, он не знал, как объяснить ей своё положение. Нет, он о ней хорошего мнения. Если бы был здоров, сегодня же сделал бы ей предложение. А так... Не ошибётся ли он, обнадёжив женщину? Эх, пожить бы ещё. Как там в песне поётся?

Как вода, жизнь утекает,
А в сердце остаются раны;
Кто скажет мне, кто подсчитает –
Сколько лет ещё осталось?

Сколько же ему осталось? Хотя бы лет пять. Тогда бы Газиз не возражал, потому что эта женщина тоже была близка ему...

– Ты тоже мне нравишься, Айсылу, умничка. Но смогу ли я сделать тебя счастливой? Скажу честно, я в это не верю. Сама видишь, в каком я положении. Но, несмотря ни на что, сегодня я счастлив с тобой...

В разговорах они дошли до берёзового леса. Сентябрьское солнце уже спряталось за тот берег реки, и лишь красноватый горизонт украшал небосвод. С реки дул прохладный ветерок, приятный запах воды сладко щекотал ноздри. Это был удивительно красивый, даже в какой-то степени решающий вечер в жизни Айсылу и Газиза. Поэтому Газиз, желая утешить женщину, обнял её. Она не сопротивлялась. А над их головами шелестели листочки молодой берёзы, как будто шептались о чём-то...

* * *

Наконец в санатории появился человек, ответственный за музыку. Первой этой возможностью воспользовалась Айсылу:

– Ринат, милый, давай проведём вечер вальса. Народ просит. Надоело нам скакать под твою дикую музыку. Давай хоть раз устроим всё по-человечески. Мы хотим самые лучшие классические вальсы. Чайковского не забудь, и наших татарских композиторов...

Музыкант не стал идти против слов «народ требует вальса». Забота об интересах отдыхающих, исполнение их желаний – это его работа. Ранним утром на доске объявлений появилась афиша, на которой крупными буквами было написано: «Вечер вальса». Парню, использовавшему баян только во время утренней гимнастики небольшой группы отдыхающих, пришлось сменить вконец надоевший людям репертуар. В стопке десятка кассет оказалась новенькая кассета, подаренная каким-то любителем вальса. В неё входили двадцать самых лучших вальсов из «Шедевров классики». Там были и Штраус, и Шопен, и Григ, и Сибелиус, и Чайковский, и Брамс. К сожалению, он не нашёл кассету с татарскими вальсами.

С самого утра Айсылу готовилась к вечеру вальса. В тот день и лечение было не лечением – она всё время спешила. Вернувшись в комнату, женщина погладила смятое в чемодане новое платье, затем спустилась в парикмахерскую и привела волосы в порядок. Наконец села перед зеркалом, но не стала краситься, потому что даже в свои тридцать три она была прекрасна.

Вот и наступил вечер. В зале было неожиданно много народу. Все, словно замороженные, собрались на вечер вальса, потому что до сих пор ничего подобного в санатории не проводилось, да и вряд ли будет в дальнейшем. Это не просто вечер вальса, а настоящий праздник – и девушки, и ребята, и красивые женщины, и взрослые мужчины одеты во всё самое лучшее. Но Айсылу была среди них особенной. Она в первый раз надела белоснежное обтягивающее платье из дорогой материи. Оно очень шло Айсылу и подчёркивало её красивую фигуру. Она надела белые туфли на высоких каблуках, чёрные, слегка вьющиеся волосы уложила в причёску. В общем, была прекрасна, как царская дочь, как победительница - конкурса красоты!

Айсылу искала глазами Газиза. В удивительно светлом, большом, нарядном зале каждый искал себе пару и готовился к вальсу. Айсылу же считала достойной себе парой только одного человека. Пусть ему уже пятьдесят, пусть он болен, но у него такая душа... Сейчас для неё он один-единственный не только в санатории, во всей стране и даже во вселенной. И никто другой ей не нужен...

А Газиз всё не появлялся. Он ведь должен был прийти на танцы. Айсылу почему-то не решилась зайти за ним. А надо было. Она продолжала беспокойно ждать.

В зале зазвучала музыка. Она завладела вниманием всех присутствующих, пробудила в них страсть, привела в движение. Некоторые пары стали плавно кружиться в вальсе.

Как раз в это время в широко распахнутых дверях зала появился Газиз. Стройный, с пышными, словно львиная грива, волосами, в белоснежной, как у ангела, одежде – белая рубашка, светлые брюки и белые туфли. Увидев его, Айсылу устремила к нему. Газиз быстро нашёл её. Он, как всегда не спеша, скромно подошёл к ней. И, как ни странно, в это мгновение в душу мужчины, уже однажды обжёгшегося, за-

кралось сомнение: а если она и сегодня откажет ему, верь этим женщинам! Лучше быть готовым ко всему...

Нет, на этот раз Айсылу покорила. Присутствующие в зале обратили внимание на то, что и кавалер, и дама одеты в красивую, белую одежду, оба стройные, хорошо сложенные, оба танцуют воодушевленно и более страстно, более изящно, более романтично, чем остальные в зале. Наверное, только они кружились ровно и легко то вправо, то влево, искренне любя вальс, умея его танцевать, вкладывая всю душу. Но это ещё не всё. В самый разгар вальса Газиз выпустил Айсылу из своих объятий и, взяв за левую руку, стал кружить её вокруг себя, а затем сам закружился и, сделав несколько оборотов, взял спутницу за талию и уронил на свою левую руку. Это была кульминация вальса и, безусловно, никто, кроме Газиза и Айсылу, не смог её выполнить...

Давно Айсылу так не танцевала. В эти минуты она чувствовала себя бесконечно счастливой. Не убирая руки с его плеча, она, весело улыбаясь, пристально посмотрела ему в глаза. А стройные, сильные ноги в туфлях делали своё дело. Ей было легко и приятно танцевать с Газизом.

Порхая под струящуюся волнами музыки, Айсылу сказала:

– Газиз абый, спасибо тебе! Ты мне сделал большой подарок. Я давно не танцевала с таким удовольствием.

– Ты и вальс считаешь за чудо?

– Да, Газиз абый. Мне нравится танцевать с тобой вальс. Я так счастлива! – сказала Айсылу страстно и вдохновенно.

Но...

Неожиданно у Газиза потемнело в глазах, он споткнулся и стал клониться в сторону. Айсылу подхватила его и, как будто что-то почувствовав, быстро увела с середины зала.

– Ах, пло-хо, – прерывисто произнёс Газиз и, прикрыв глаза, прислонился к стене. Гудящий народ ничего не заметил. Айсылу поняла, что Газизу очень плохо. Поддерживая, она вывела его из зала и проводила в комнату. В это время прибежал Габдельфат – и откуда только он узнал? – поднял Газиза и положил на кровать.

– Айсылу, ты останься, а я приведу медсестёр, – попросил он и побежал вниз.

Прибжавшие медсёстры сделали Газизу укол, измерили давление. Айсылу тоже попыталась по-своему помочь. Но это не помогло и пришлось вызывать «скорую помощь». Машина в течение получаса ехала из соседнего города. Разными способами врачи пытались улучшить состояние больного, но оно оставалось прежним.

– В таком состоянии оставлять больного нельзя, мы его забираем, – в конце концов сказал пожилой врач. – Надо собрать его...

Растерявшийся Габдельфат не знал, что делать: он стал пытаться натягивать носки на босые ноги своего беспомощного соседа, схватился за рубашку, затем за спортивный костюм. Потом взял себя в руки и начал собирать необходимые вещи в полиэтиленовую сумку. Он собирался проводить Газиза. Но Айсылу категорично произнесла:

– Нет, Габдельфат абый, я сама.

– А вы ему кто? Мы в таких случаях никого с собой не берём, – сказал врач. Много повидавшая врач Айсылу взорвалась:

– Я его жена. – Врачам нечего было возразить.

Габдельфат помог спустить Газиза на носилках.

– Выздоровливай скорее и возвращайся, дружище, я не уеду, буду тебя ждать, – сказал он и вытер хлынувшие из глаз слёзы. Но не известно: слышал Газиз эти слова или нет – глаза его были закрыты. Айсылу присела рядом с носилками и накрыла Газиза одеялом. Что бы ни случилось, теперь она с него глаз не спустит. Она правильно сделала, что решила проводить его. Пообщавшись несколько дней, уставшая от одиночества женщина нашла общий язык, взаимопонимание с таким же одиноким Газизом, она подумала, может, у них что-нибудь получится. Этот свободный от всяких обязательств мужчина каким-то образом завладел её вниманием, всё в нём ей нравилось, он смог понять её, разбудить в ней страсть, окрылить душу и растопить сердце. Айсылу в последнее время жила в городе, но она родилась и выросла в деревне. Поэтому характером, привычками, чистотой души своей она оставалась, как и прежде, деревенской девчонкой. За короткое время общения с Газизом Айсылу вновь обрела крылья. Она думала: «Кажется, я нашла достойного человека». Да, здоровье не в порядке. Но врач совершенно не задумывалась ни о настоящем положении, ни о том, что ждёт в будущем человека, получившего серьёзное облучение. Ведь среди облучённых тоже разные бывают. Вон он как вдохновенно и страстно танцует вальс и совсем не производит впечатление больного человека. Если Газиз выживет, выздоровеет,

они останутся вместе и до конца жизни будут дружно жить. Только бы с ним ничего не случилось. А врач Айсылу в свою очередь сделает всё для его здоровья, приложит все свои силы. Только бы был здоров!

Засунув руку под одеяло, она взяла холодную руку Газиза в свою тёплую ладонь. В этот момент Газиз с трудом открыл глаза, посмотрел на Айсылу и сжал её руку, насколько хватило сил. То ли он хотел этим сказать «спасибо тебе», то ли просто был рад тому, что она поехала провожать его, словно родного человека. Как бы там ни было, сегодня он не один, рядом с ним надёжный, дорогой человек. А смерть... Рано или поздно, но она наступит.

Жизнь, смерть – одна дорога,
Почему же нет других путей?

Почему же нет других путей? Пусть так, но почему этот путь не может быть немного длиннее? Сколько дел ещё надо переделать. Незавершённые проекты, выступления на митингах, люди, с которыми есть о чём поговорить...

«Чи-у, чи-у, чи-у»... Сирена машины «скорой помощи» звучала для Газиза не как дурное предзнаменование, а как музыка. Только эта музыка почему-то двухтактная, а не трёхтактная, как к вальсу. Но хоть и так, кажется, что под неё тоже можно кружиться в вальсе. Вон... танцуют же люди... Какое-то светлое помещение. Очень светло. День. Совершенно незнакомый Газизу зал, из окон льются солнечные лучи. Кажется, зал без потолка, поэтому так светло. Где же он, как здесь оказался? В зале полно народу, все в белом. И как сумасшедшие кружатся под музыку «чи-у, чи-у». Вон и Сармадия среди них. Удивительно, но он не помнил, чтобы она когда-то вальсировала. На Сармадии белое сари. Она танцует с незнакомыми людьми, а Газиз пытается сделать вид, что не замечает её, пытается убежать от неё. Но это ему не удаётся – Сармадия его всё-таки зовёт танцевать: «Вот и настало твоё время», – говорит она. Что это? Время для чего?

Они танцуют. Посмотри-ка, у Сармадии тоже хорошо получается. Только вот её одежда всё сползает и сползает, мешая двигаться. «Здесь тесно, полетели на небо», – говорит Сармадия. И вот так кружась, они свободно поднимаются в небо через открытый потолок...

На ухабах машину подбросило, и на мгновение Газиз пришёл в сознание. Потом снова забылся, словно провалился куда-то. Снова очнулся и снова провалился...

Белая машина с красным крестом, включив все сигнальные огни, на огромной скорости продолжала нестись по шоссе, неистово воя.

В эти минуты в голове Айсылу пронеслись миллионы мыслей. Неужели оборвутся её окрылённые надежды, её возродившиеся мечты? Неужели счастье снова обойдёт стороной? Почему судьба к ней так безжалостна?..

По бледному лицу Айсылу, присевшей рядом с Газизом, катились неуправляемые горячие слёзы...

Литературно-художественное издание

Салахов Асхат Сахапович

ПОСЛЕДНИЙ ВАЛЬС

Редактор *Ф.Х.Макарова*
Художник и художественный редактор *Р.Х.Хасаншин*
Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *Н.П.Клиповой*
Корректор *А.Р.Шайдуллина*

Оригинал-макет подписан в печать 14.04.2011.

Формат 75×90^{1/32} Усл. печ. л. 3,75.

Тираж 2000 экз. Заказ Р-527.

Татарское книжное издательство. 420111.

Казань, ул. Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru>

E-mail: tki@tatkniga.ru

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™

Филиал ОАО «Татмедиа» полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс». 420066. Казань, ул. Декабристов, 2.